

ИГОРЬ
ЛАЗАЕВ

18+

ЛЛИ ФФТ

В ПРЕИСПОДНЮЮ

Игорь Лазаев

Лифт в преисподнюю

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Лазаев И.

Лифт в преисподнюю / И. Лазаев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

«Лифт в преисподнюю» — зомби-апокалипсис для тех, кому надоело читать и смотреть «похожее на похожее». Человеческая цивилизация схлопнулась, и с воем на улицу вылезли «бывшие». Невыжившие. Переделавшиеся. Бывшие люди, зубы которых не против вонзиться в твою тёплую плоть. Помощь? Не пришла, не приехала и даже не прошумела вдали лопастями вертолётa. Да и не к кому. По пустому городу шастают только трупники. Ищут еду. И кажется, что везде так. Тишина намекает на то, что выживших будто нет. Место действия — городок N в одной из стран СНГ, куда не пришла никакая помощь. Саша сумел спасти семью. И понятия не имеет, что произошло. Он просто заперся в квартире. И пересидел вспышку заразы, обратившей всех, кого он знал, в человекоедов. Их удобнее называть зомби. Но они не такие. У Саши заканчиваются продукты и, наверное, вместе с ними жизнь. Его семья умрёт от голода, если кто-то из них не выйдет из дома. И не отправится за едой и водой. И вот герой решается открыть дверь. Правда, он совсем не герой...

© Лазаев И., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Дверь	5
Вторая дверь	9
Улица	11
Есть кто-нибудь?	13
Пятая дверь	15
Кушай, зайка	18
План	20
Бывший человек	22
Помойка	24
Поднимайся наверх	26
Третий	29
Пьяный дракон	31
Первый ручеек	33
Последний день	35
Семьдесят седьмая	37
Круглые камни	39
Скляночки	41
Куча тряпья	43
Кляп	45
Банки	47
Сменное белье	49
Странная семья	51
Аппетит	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игорь Лазаев

Лифт в преисподнюю

Дверь

Саша следил за огненным шаром из окна. И ненавидел его. Без солнца теперь становилось совсем плохо. Чем меньше света, тем больше какой-то странной черноты. Не темноты – черноты.

Расстановка сил не зависела от ночи и дня. «Бывшие» и под солнцем себя чувствовали прекрасно. Но шума производили меньше. От этого ощущение сумасшествия немного угасало. Сумасшествия из-за трехмесячного заточения в двухкомнатной квартире. Но он знал – так жить оставалось недолго.

Входную дверь в квартиру закрыли в августе. Сейчас конец ноября. Впервые за несколько дней не шел дождь. Дома холодно и сыро. Еда закончилась вчера. Воды – два стакана. Что делать? Ясно, что делать.

Саше нужно открыть дверь.

Третий этаж. Всего пять. На каждом по четыре квартиры. Сколько Их там может оказаться? Если все жильцы были дома, когда «обрели себя», то минимум двадцать два трупа. Которые ходят. Ждут или ищут. Таких, как он. И таких, как его жена и ребенок, Марина и Миша, еще живых.

Мать и сын сидели на диване, укутавшись в одеяла и старый плед. У стены, напротив балкона. Женщина смотрела в пол. Она знала, что ее мужу придется выйти, чтобы найти еды. Поэтому в глаза другим осмеливался смотреть только Саша. Миша, малыш почти шести лет, еще не понимал толком, что происходит. Марине было не по себе от того, что приходилось отправлять туда, за железную дверь, родного человека. Это казалось равносильным тому, что ты сам должен выйти. Может, даже тяжелее. Ведь, если остаешься – просто не находишь себе места. Волнуешься, плачешь, наверное, что-то еще. А если наружу идешь ты, то там тебя ждут ощущения другого рода. И представить их довольно сложно, когда и здесь-то, в квартире, всем правит страх. Тяжелый страх из-за отсутствия вариантов.

Храбриться перестали в октябре. Когда не появилось никаких спасателей, людей с автоматами, голосов и громкоговорителей. Или просто вертолета. Который бы пролетел невысоко над домами и улетел в свои дали. Совершенно понятно, что бы это значило. Но никого не было. А это значило совершенно другое.

Саша оказался не дурак. Точнее, дураком его считали – друзья, коллеги, даже жена. Но думали они так до определенного момента. Не долго. Пока цивилизация, пошатнувшись, не рухнула на самое бездонное дно.

На это ушло три дня.

И пока одни, рискуя заразиться, набивали сумки в магазинах, Саша сидел дома и кипятил воду. Он догадывался, что ее не стоит пить сырой, и понимал, что скоро водопровод отключат вовсе. Благодаря случайности или счастливому стечению случайностей у него получилось подготовиться к вынужденной изоляции и запастись многим необходимым. Теперь Саша и его семья начали ждать, когда цивилизация поднимется со своего дна, чтобы они могли в нее влиться.

Никто не поднялся. Никто не приехал и даже не пришел. После трех дней суматохи началась тишина. Относительная, разумеется. Но в плане социального шума – абсолютная...

Мужчина не знал, чем ему сейчас заняться. Пройтись по комнате, подойти к жене и сыну или так и стоять у окна? Нет, от окна лучше отойти, могут заметить. Так загрызли семью из дома через дорогу.

Теперь возле окон старались вести себя аккуратнее.

Надоело стоять, и он сел на край дивана:

– Что «бывшие» там едят? Все же умерли или «обрели себя». Получается, им есть нечего должно быть! – прошептал свои мысли жене.

В основном старались разговаривать шепотом.

– Некого, то есть, – едва слышно поправила его Марина.

– Да. Но по сути-то они не мертвые, а «живые по-другому». Урезанная версия человека.

Марина ничего ему не ответила.

– Может быть, они друг друга едят? Ну, сильный – слабого, и все в таком духе? – неожиданно предположил Саша и взглянул на нее.

– Ты смеешься? Тогда бы все очень быстро закончилось.

– Ну, нет. Мы же не знаем, что происходило с трупами.

– В смысле? Что с ними могло происходить? Кроме того, что и случилось? – удивилась женщина.

– Нет, не обязательно. Вот загрызли, например, «бывшие» одного человека...

Марина зло сверкнула глазами и указала на ребенка.

– Мишка, иди в роботов своих поиграй в комнате! – мальчик, скучавший от взрослых разговоров, послушно встал. Мама сняла с себя плед и укутала его. Когда сын ушел, Саша продолжал:

– Вот загрызли, например, «бывшие» одного человека. Перегрызли шею, выпотрошили так, что его кишки по всей округе разбросаны. И вот, что происходит с ним дальше?

– Божечки, гадость какая! Как что? Он умер. Все! – Марина посмотрела на мужа так, как будто он забыл буквы алфавита.

– Нет, а что, если этот человек потом тоже встает?

– Но он же мертвый!

– А все остальные, значит, живые? – Саша начинал злиться.

– Ну, как-то да, более активные особи получают, если не потрошить их сразу! – перерезала она его.

– А может, не в этом дело? Вдруг у «бывших» все как-то иначе работает? Ну, например, не обязательно, чтобы кровь по венам бежала! Может, по ним какие-то паразиты ползают. Или черви, – Саша даже замолчал на секунду, а потом воскликнул. – Да, вместо крови какие-нибудь черви! Нет, ты просто представь. И вот эти паразиты развиваются и «поднимают на ноги» трупы. И они ходят. Ищут еду.

– Но мы как раз обсуждаем то, что они ищут еду, которой уже нет. А булки печь «бывшие» не умеют!

– Ну, возможно, когда двое этих мертвоходов встречаются, они могут договориться. Назовем это – заключить соглашение о том, что они вместе станут жить в одном теле. А другое сожрут.

– А-а-а.

– Ну помнишь, мы видели в окно! Когда «гончий» долго терся об одного «первого», а потом взял на руки и куда-то унес. Я просто постоянно наблюдаю за тем, что происходит на улицах. Не могу объяснить, но мне кажется, там все не так примитивно, как нам показывали в разных историях. Это не просто вот какие-то чудовища, которые могут только убивать людей. Я вижу в них нечто большее, но еще не могу понять, что конкретно.

«В аптечке, в принципе, все есть. Значит, за лекарствами в этот раз идти не придется. Магазин рядом – метров сто от дома. Двери точно будут открыты, кто их мог закрыть в те дни? Значит, будем исходить из того, что стекло там бить не надо. Иначе конец».

Саша посмотрел в окно. Солнце ушло, и темнота уже вползала в дом. Скоро станет совсем холодно.

«Захожу в магазин, – продолжил он размышлять. – Сразу справа – холодильники с пивом, они стоят в ряд до кассы. Слева – морозилки для мороженого, мяса и чего-то еще. Их две. Между ними узкие проходы влево, к витрине с алкоголем, чуть правее – сок и минеральная вода. Значит мне сразу нужно туда. Но где же там была всякая тушенка и другие консервы? – мужчина давился слюной от желания есть, но не останавливался и вновь и вновь рисовал перед собой устройство магазина. – Или эти банки там под алкоголем стоят? Да, там или за кассой. За ней еще вход в подсобку. Там может быть кто угодно. В магазине тесно. Не развернуться».

Встал и пошел на кухню. Посмотрел на воду в стаканах.

«Хорошо бы, когда я выйду, наткнуться на полицейский уазик, – пришла ему в голову мысль. – Там должно быть оружие».

Но в такие счастливые совпадения Саша не верил. Точнее, не получалось верить. Ведь, когда ты, считай, обыграл смерть, она взяла и просто подошла с другого конца.

Небо казалось неровным из-за туч. Совсем недавно наступил день. Без солнца, без дождя. Просто серая картинка за окном.

Саша встретил новый день без понимания того, как Это сделать. В смысле заставить себя выйти на улицу.

Две двери. Одна открывается внутрь. Другая наружу. Заперты обе. Ключ на вешалке вместе с куртками.

Хозяйка их съемной квартиры сделала перепланировку, и прихожая стала не тесной, а длинной. И темной. Особенно без электричества, и это «особенно» длилось уже три месяца.

Мужчина сидел на диване в зале и смотрел в черноту упомянутого выше коридорчика.

Кстати, он уже одет. Толстая длинная куртка, джинсы, еще джинсы, а поверх мешковатые спортивные. Зимние ботинки. Перчатки. Шапка. Шарф лежит рядом, перед выходом Саша собирался замотать им лицо. Но не хотел понимать, что это нужно делать уже сейчас.

Остался один стакан воды...

Все-таки придется.

Хрр-щелк. Потом бесшумно. Снова щелк.

Внутренняя дверь открыта. Ключ в скважине. Поворот ручки вниз, дверь на себя.

Черт.

Забыл вытащить ключ. Дверь назад, ключ в руку. Вдох, дверь на себя. Все в черноте. Второй замок. Нет, сначала нужно посмотреть в глазок.

Чернота.

Из окна сверху – слабый свет. На лестничном пролете ниже – то же самое. Но, кажется, никого. Значит осторожно и медленно нужно повернуть ключ. Два щелчка, вторую дверь получилось открыть почти бесшумно. Это уже хорошо. Добрый знак.

Марина за спиной. Вся дрожит. Беззвучно, не всхлипнув ни разу, плачет. Сейчас, когда муж откроет внешнюю дверь, ей нужно будет ее закрыть.

Приподняв дверь за ручку, чтобы не скрипнула, Саша начал ее открывать. Глазами почувствовал легкий поток воздуха, остальная-то часть лица замотана шарфом.

Левой рукой толкает дверь, а правая с ножом занесена вверх.

А куда бить, если кто-то выскочит? Лучше куда-нибудь в районе шеи. Потом повалить. Придавить коленом. И еще несколько раз ударить. Хороший план. Добрый план.

Всхлипнула.

«Все-таки всхлипнула, – обрадовался Саша ее чувствам и оглянулся, но едва смог в темноте различить лицо жены. – Любимая. Да, это моя любимая женщина, но, черт возьми, какое же мерзкое состояние сейчас».

Он резко вернулся, отодвинул шарф и быстро поцеловал ее в губы. Вышел. Бесшумно закрыл дверь с обратной стороны.

Один.

На границе слуха, за спиной медленно проползла щеколда, заполняя собой пространство паза. Дверь заперта.

«Интересно, а если "бывшие" сейчас повалят снизу или сверху, а я начну ломиться в дверь. Откроет?»

Сразу от их квартиры начиналась лестница вверх. Там окно. Саша сделал большой шаг влево и заглянул вниз через перила.

Вторая дверь

Внизу чисто. Настолько, насколько можно разглядеть в этой черноте.

Саша медленно поднял голову вверх. Тоже вроде бы никого.

Можно идти.

Осторожно шагая, он начал подниматься по лестнице. Задача – подойти к окну и постараться разглядеть, что творится внизу.

Шаг за шагом он преодолел все ступени и попал на площадку между этажами. На окне лежали рекламные буклеты. Люди со счастливыми лицами смотрели на него с картинок. Одни предлагали пластиковые окна в рассрочку, другие – займы в несколько тысяч.

Спасибо, не надо.

Оперевшись на подоконник кончиками пальцев, Саша выглянул в окно. Несколько машин на парковке. Две столкнулись. Рядом тело.

Или показалось?

«Нет, кто-то лежит. Может быть, это просто одежда? – заволновался Саша. – Сто процентов мертвый, всего занесло мусором, листьями. Это хорошо».

А не плохо это тем, что пройди здесь недавно «бывший», он точно потревожил бы труп. Перевернул, разорвал... А отсюда (хотя «отсюда» это три с половиной этажа) тело выглядело нетронутым.

Внезапно Саша понял, что, поднявшись на лестничную площадку, он не оглянулся. Не посмотрел, есть ли кто-нибудь на следующем этаже. Сверху. Сзади.

Сердце кольнуло, и во рту появился странный привкус. Картинка слегка смазалась – повысилось давление.

От волнения?

Нет, от страха! Собравшись с силами, он начал разворачиваться. Медленно, чтобы не спугнуть или не разозлить того, кто мог находиться там. Напряг и расслабил мышцы правой руки. Все «работает». Отлично, продолжаем двигаться. Не стоим! Идем!

Тень.

Черт, там какая-то тень! Бежать? Куда? Как?

Глаза стали слезиться от напряжения, но не хватало сил моргнуть. Только бы не опустить взгляд и различить, что там в темноте.

Но если бы кто-то хотел напасть, то уже прыгнул бы?

Саша выдохнул.

Моргнул. Капнули слезы. Нож едва не вывалился из руки. Хотелось разрыдаться от напряжения. Прямо здесь сесть и заплакать...

Или оно может спать?

Не успев расслабиться, Саша снова напрягся. Но на этот раз он со странной для себя решительностью просто двинулся вперед. Разумеется, тихо.

«Это однозначно нужно проверить, – стараясь победить трусость, убедительно говорил голос внутри него. – Значит, нужно сделать это быстро! Раз! И все! Подошел и ткнул ножом!»

Медленно поднимаясь по ступенькам, Саша не спускал глаз с темной кучи тряпья, что лежала у одной из дверей. И, кажется, она была размером со взрослого человека.

Еще шаг.

Тени постоянно двигались. Да еще и сам он загораживал свет от окна, поэтому разглядеть, что именно там лежало, не получалось.

«Но в любом же случае нужно подойти, – не слишком уверенно подбадривал знакомый голос внутри головы. – Значит, нечего стараться разглядеть все отсюда».

Снова шаг.

«Не шевелится. Будь это «больная» тварь, то давно бы уже учуяла мой запах или услышала возню».

Шаг.

«Значит, передо мной предмет неодушевленный. А такой предмет бояться не стоит».

Еще шаг. И вот он перед ним.

Саша немного присел, взялся левой рукой за перила, завел другую с ножом вверх за голову.

«Раз, два, три!»

Нож с трудом вошел во что-то твердое. Но оно не зашевелилось и не издало никакого звука.

«Пронесло?»

На душе мгновенно стало спокойнее. Тепло и хорошо внутри. Ножом Саша аккуратно развернул тряпье и понял, что перед ним лежал труп. И «прилегал» этот тип здесь уже давно, стал просто какой-то сгнившей мумией.

«Теперь однозначно нужно подняться до пятого этажа, – твердо решил он. – Проверить. Еще один лестничный подъем. Как же хорошо, что мы снимаем квартиру в пятиэтажке. Хотя и не платим за нее уже три месяца».

Мужчина с трудом встал на ноги и начал подниматься наверх. Он успокаивал себя тем, что произвел здесь уже достаточно шума и, окажись кто-нибудь наверху, то непременно бы уже спустился. Поэтому у него почти получилось унять свою мелкую дрожь во время подъема на пятый этаж.

Никого.

«Славно».

У Саши начинало подниматься настроение. Насколько это возможно в мире, погруженном в небытие.

«Если все и хорошо, то только благодаря тому, что ты всегда начеку, – начал он приводить свои мысли в порядок. – Нельзя расслабляться! Не здесь и не сейчас! Нужно помнить о том, где ты и что должен сделать. И что может тебе помешать».

Спускаясь вниз, Саша ступал медленно, стараясь не шуметь. Пусть здесь никого нет, но грохотать зимними ботинками по бетонным ступенькам тоже незачем. Проходя мимо своей двери, он улыбнулся и помахал рукой.

«Зачем улыбался? Я же в маске».

Совсем скоро он уперся взглядом в дверь, что разделяла его уютный подъезд и новый мир.

Это была не та дверь, что с домофоном и все такое.

Она осталась со времен «совка». Толстая, оббитая изнутри какими-то тонкими деревянными рейками, обшарпанная по краям. В некоторых местах торчали уже не острые гвозди.

Саша подошел к ней. Не на ощупь. Глаза привыкли к темноте, и у него получалось кое-как ориентироваться здесь. Он взялся за ручку. Прижался к двери левым плечом, приподнял ее, чтобы не скрипнула, и плавно толкнул вперед.

Черноту подъезда медленно начал разъедать дневной свет. Слабый, словно, какой-то больной, он просачивался внутрь и рисовал в новых цветах мир за дверью.

За щелью показались деревья без листьев, а перед ними несколько брошенных машин.

Небо серое – без солнца. Ветерок. Свежий воздух. Даже немного закружилась голова.

Улица

Спокойным движением Саша открыл дверь шире. В проем уже можно было протиснуться.

Почти вся парковка так и осталась заставлена машинами. Опавшие листья никто не убирал, и они гнили, покрыв все вокруг тонким слоем грязи.

Дверь магазина стала видна уже отсюда. Метров сто. Может быть, чуть больше. Или меньше.

Прямо. Напротив его дома стояла такая же типичная пятиэтажка из красного кирпича. Почти все окна на первом этаже оказались разбиты.

Почему? В них кто-то забирался или наоборот пытался выбраться? Слева еще один такой же дом. За ним перекресток. Но идти нужно направо.

«Так, прежде чем выходить, – сказал он про себя, – нужно оценить все препятствия».

Дом, в котором жил Саша, и пункт его назначения разделяла стихийная парковка. Первые пять машин стояли в ряд у подъезда. Еще восемь или больше брошены у самого магазина. Между ними находился кусочек огороженной металлической оградкой «зеленой зоны». Сейчас этот клочок земли был завален мусором и опавшими листьями. Он выглядел таким же серым и безжизненным, как и все вокруг.

Когда Саша пойдет к магазину, машины окажутся по левую руку. Справа за его домом покажется асфальт одной из основных автодорог города. Да, окна квартиры, в которой он жил, выходили прямо на проезжую часть. Ни капли свежего воздуха, зато сдавали за недорого...

Стоит пройти немного вперед, и слева станет видна детская площадка и проезд еще к нескольким домам. Пять-семь шагов прямо, и он будет у крыльца магазина. В принципе, все просматривается даже отсюда. Вот только как действовать? Идти спокойно или бежать?

Бег. Минусы: шум, сложно разглядеть «бывших». Плюсы: позволяет быстро оказаться в нужном месте.

Шаг. Минусы: зомби могут успеть заметить. Плюсы: отсутствие шума, возможность оглядеться и спрятаться.

«Лучше идти», – решил Саша и распахнул дверь.

Медленно сделал шаг вперед и наступил на ковер из гниющих листьев. Под ногами захлопало.

На пару метров отошел от подъезда.

«Странно, – заметил он. – Никого. Безжизненно. Даже птиц нет. Что с ними-то могло случиться? Неужели люди и их смогли «покусать»? Какой-то бред...»

Движение слева!

Сердце, словно, до этого момента лежавшее в груди мертвым, сорвалось с места. Саша почувствовал настоящую боль внутри. Глаза затянула красная пелена, не скрывавшая только Это.

Собака.

«Ух, псиница! – пропищал в голове голосок».

У Саши задрожали руки, а колени начали буквально стучать друг о друга.

В прошлом, когда мир еще выглядел подвластным людям, то, что стояло перед ним, было собакой. Среднего размера. Не крупная, не маленькая. По родословной, вероятно, дворняга.

Но сейчас этот пес сильно изменился.

В корне. Серая с черным, густая длинная шерсть облезла на боках и открыла бугристые сочащиеся гнойники. Морда сильно вытянулась вперед, и пасть теперь, наверное, стала сантиметров тридцать-сорок в длину. Много родных зубов выпало, вместо них торчали странные

черно-грязные... штуки. Неровные, похожие на осколки камней. Правый глаз был выбит, а обрубки задних лап влачили по земле.

Незнакомая злость слабо, но старалась выдавить заполнивший его страх. Твердая решимость убить, хотя бы одну из этих тварей, начинала разжигать его еще ни разу не горевший костер. Но с дрожью это пока помогало слабо.

Тварь, повернув голову набок, достаточно шустро ползла к Саше.

А он замер.

Бежать? Куда? Домой или в магазин?

Или не бежать.

Внутри Саша почувствовал нарастающий жар. Его трясло. Он просто не мог решить, что делать. Поэтому и стоял. Ждал, как развернутся события.

Хотя тут все было понятно. Тварь добирается до него. Набрасывается. Убивает. Ест. И у псины наступает тихий час.

Нет, так не пойдет.

Когда тварь подползла уже совсем близко, и до Саши оставался какой-нибудь метр, он начал медленно отступать назад. «Бывшая» собака злобно забулькала и пролила из пасти кровавой слюны. Мощные, кривые лапы ловко тащили прогнившее тело в сторону человека.

Саша резко остановился.

Сделал большой шаг вперед.

Хрясь!

От удара его ноги у твари хрустнула челюсть, а сама она повалилась набок. Не теряя времени, Саша прыгнул на псину. Он обрушил на нее весь свой вес, буквально вдавив в землю обеими ногами. Из собачьей глотки брызнула кровь, и она снова начала издавать булькающие звуки.

Не хотела умирать.

С размаху Саша вогнал нож ей в мозг через последний зрячий глаз. А именно через левый.

И все закончилось.

«Надо вытащить нож», – подсказал он себе, медленно отступая назад от тела.

Возвращаться к псине не хотелось и, резко развернувшись, Саша быстро зашагал к магазину.

А вокруг никого.

Как оказалось, страх мог не только сковывать тело и мысли. Если «употреблять» его в больших порциях – он очищает голову от всего лишнего. Благодаря этому мозг занимается тем, для чего предназначен. Думает. Ищет способы решения того, что не решаемо. И не зная того сам, находит внутри себя то, что найти казалось бы нельзя. Теперь все, что он нашел, хранилось в его голове. Ждало, когда им воспользуются.

Разумеется, таким багажом можно обзавестись только, если бояться достаточно долго.

Страх подготавливает. Заставляет разрабатывать и носить с собой в голове необходимые «заготовки». На всякие случаи. Как сейчас, четкая и продуманная последовательность действий. Никакой жалости. Никаких вторых шансов.

Саша, конечно, не думал об этом «прямо так». Но он смог почувствовать, что сделал все правильно и быстро, потому что был готов. Жить.

Есть кто-нибудь?

Саша чувствовал себя хорошо.

Полегчало.

В теле пульсировала кровь, и сердце не сбавляло ритм. Саша думал быстро. И только по делу. Страх развернул перед ним новое полотно будущего, после чего моторчик в его груди начал работать спокойнее.

«Это был всего лишь полудохлый пес. Не я убил его. Он убил себя, напав на меня. Я бы не справился с ним в любой другой ситуации. Точнее, вряд ли. Нож стоило забрать».

Саша вдруг понял, что стоит перед высоким металлическим крыльцом магазина.

Дошел.

Дверь была приоткрыта.

Это уже четвертая дверь за последние полчаса. Или сколько там прошло времени?

Нет, он не обсчитался. В квартире две двери. Одна в подъезде. И четвертая – вот.

ПВХ. Белая. Половину ее занимает стекло, ниже длинная ручка. Такие ставили почти во всех дворовых магазинах.

Дверь приоткрыта.

Под нее что-то подложили? Видимо...

Саша оглянулся. Пусто в городе. Тихо.

В некоторых машинах открыты двери, разбиты стекла. Одна даже когда-то наехала на бордюр и сорвала бампер. Чинить его не придется.

«Интересно, а хоть какая-нибудь из них заведется? – спросил он сам себя. – Три месяца прошло, аккумулятор в любом случае должен разрядиться».

Саша встал на первую ступеньку. Хлюпнула грязь.

Семь ступенек вверх.

Хлюп-хлюп-хлюп.

Остановился. Огляделся.

Внутри он был сосредоточен. Максимально, как только возможно. Это немного помогало с дрожью. Несмотря на последние его решительные действия, она колотила тело так, что руки соскакивали с перил на крыльце.

Застыв на секунду на третьей ступеньке, Саша снова оглянулся по сторонам. На всякий случай. Затем одним прыжком перескочил оставшиеся четыре ступени и оказался на площадке перед дверью в магазин.

За стеклом чернота. Не темнота. Чернота. Саше в последнее время все виделось в неестественных черных тонах.

Заморосил дождь.

Возле двери лежала половина белого кирпича с неровным куском не отвалившегося цемента.

Взял кирпич в руки. Ощутил его тяжесть, которая могла бы добавить чуточку уверенности в себе, но почему-то этого не произошло.

«Ни черта не видно», – пробормотал он почти вслух.

Стекло было грязным. Три месяца пыль оседала на него.

«Протереть или лучше приоткрыть дверь? – сам у себя спросил Саша. – Если начать стирать грязь, и внутри кто-то окажется, то будет проще убежать. А если приоткрыть, то он может наброситься сразу. С другой стороны, все равно там темно, и я ничего не увижу».

Саша прислонил ухо к двери и прислушался.

Тишина. Это значит – никого?

«Неприятно. И это от того, что везде в последнее время было тихо? Потому что все умерли. А вот это уже, действительно, неприятно, – в нерешительности он мялся у двери. – Неважно! О чем я сейчас думаю!»

В щель тоже ничего не получилось разглядеть. Из-за черноты, присутствовавшей везде.

Саша начал открывать дверь. Сначала он крепко взялся за ручку, занес кирпич для удара и только потом потянул ее на себя.

Темно. Бардак. Запах гниющих продуктов. Стекла в холодильниках для пива выбиты. Но несколько банок и полторалитровых бутылок еще остались на месте.

Пиво...

Саша вздохнул и открыл входную дверь шире. Уже можно спокойно пройти боком.

Абсолютный беспорядок. Коробки, бутылки, склянки и прочий мусор завалили пол. Один из морозильников слева перевернут.

«Видимо, никого... Тогда, доброе утро!»

Саша трусовато улыбнулся и вошел в магазин. Сначала стоило все осмотреть и только потом искать продукты и воду.

– Есть кто-нибудь? – робко спросил он на всякий случай.

Поправил шарф, закрывавший лицо, чтобы стало легче дышать.

Похоже, все ушли, уползли или умерли.

Он достал какую-то грязную коробку и подпер ею дверь, чтобы та не закрылась совсем. Ведь, чтобы растворять черноту, требовался свет.

Снова осмотрелся. За кассой находился дверной проем, но без самой двери. Сразу напротив – окно. Такое же грязное, как и все здесь. Но слабый свет из него значительно облегчал жизнь Саше.

Он начал медленно пробираться к кассе.

Кирпич держал наготове.

Стоп!

Из-под картонного мусора выглядывало короткое горлышко с синей крышечкой от пятилитровой бутылки воды. И она была полная! Саша обрадовался такой находке. К тому же на самой кассе валялось несколько запыленных шоколадок. Ну, все эти «раскрученные» с орехами и вафельной крошкой.

Странные чувства наполнили его. Что-то внутри тревожно всколыхнулось, ослабла какая-то пружина. Он вспомнил, как тысячу раз покупал эти шоколадки, да и воду домой. Для своих. Какое хорошее было время. И казалось, что все может стать еще лучше, если начать больше зарабатывать и так далее. А на самом-то деле хорошо – это всегда сейчас. Хотя в данной ситуации, лучше все же употребить слово «тогда». Сейчас-то ничего хорошего не происходит.

Саша отогнал эти мысли и заметил, что уже находится возле кассы. За ней – никого. Следующая комната полностью просматривалась. В магазине он один.

«Что ж...»

Первым делом Саша отнес к двери баклажку с водой, которую заметил в мусоре. Затем достал из кармана пакеты, в которые собирался складывать провиант, если такой удастся найти. Каждый из них был вставлен в другой для прочности. Правда, по закону подлости, они оказались разного размера, что выходило не очень практично. Но за отсутствием выбора...

Пятая дверь

Саша все делал очень тихо. Даже рылся в мусоре. Как художник производит движения кистью, так и он неторопливо перекладывал все ненужное в сторону.

Ему удалось найти 25 литров воды, упакованных в четырех пятилитровых бутылках, и еще нескольких меньшего объема. Хватит в экономном режиме на пару недель. И это помимо газировки.

«Что у нас есть еще?»

Три покрытые пылью банки с сайрой и две с горбушей. На жестянках имелись вмятины. Бесполоило ли это Сашу? Нисколько. Отдела по защите прав потребителей все равно уже не существовало. Да и он не собирался платить за покупку. Так что сойдет.

Шпроты. Восемь маленьких банок. Печень трески. Три штуки.

Водка. Виски. Портвейн «Три топора».

«Это на потом», – решил он и оставил алкоголь нетронутым. «Синей» воды, кстати, лежало вокруг достаточно много, что показалось Саше странным.

Шесть пачек гречки по девятьсот грамм каждая. Она, видимо, была не самым популярным товаром во время неразберихи, потому что других продуктов осталось всего по одной-две упаковке. Рис, перловка, макароны практически исчезли с прилавков этого магазина. Хотя макароны – отдельный вопрос. Они хранились в большом бумажном мешке. Такие мелкие, тоненькие, продавались на развес. Мешок был разорван с одного края и лежал на железном шкафчике возле...

Еще одной двери.

Черт!

Саша застыл на месте, словно, превратился в камень. Как можно было забыть об этой двери?

От глаз ее загораживало торговое оборудование, а вела она в подсобку слева от кассы. И Саша уже несколько раз проходил мимо, даже не обратив на нее внимания! Но если после всего шума, что он здесь произвел, дверь не открылась. Значит...

«А ничего это не значит, – сказал трусливый голос внутри. – Что угодно может произойти».

И «пятая» дверь приоткрылась.

«Везение закончилось!» – противно пропищал голос внутри.

Саша почувствовал, как каменеют его мышцы, и становится трудно дышать – тело, скованное страхом, не позволяло двигаться грудной клетке.

«То, что пытается открыться само по себе, не может таить за собой ничего хорошего. Не в этом мире».

Кирпич, найденный им, лежал на морозильной витрине, которая стояла между Сашей и зловещей подсобкой. Ровно посередине.

Дверь, поскрипывая, начала ходить туда-сюда. Едва приоткрывшись, она снова закрывалась.

«Может быть, сквозняк? – проклиная свою судьбу, предположил Саша. – Вряд ли. Там не может быть окна».

Он не двигался.

Стоял. Смотрел.

Ничего не происходило. Кроме того, что дверь пыталась открыться.

Панический страх накатывал волнами. Или как он там накатывает?

Проходил.

Возвращался.

В ритм движениям этой злополучной двери.

«Если я просто отсюда уйду. То будет ли все нормально? – начал спорить сам с собой Саша. – Пакеты собраны. Вода у двери. Но где-то через неделю мне снова придется сюда вернуться. А я не смогу! Хотя если у меня будет нож... Да кого я обманываю! Не вернусь! Но с другой стороны, мне здесь ничего больше и не надо. Хотя, я далеко не все в этом месте осмотрел. Возможно, припасов получится найти еще предостаточно. И это место очень близко к дому. Как говорится, стратегически важная точка, которую непростительно потерять».

Очень близко к дому...

«А что если "бывший" по моему следу доберется до квартиры? Дверь открыть не сможет. Но наделать шума и привлечь других тварей сумеет. Когда-нибудь эти "иначеживые" додумаются забраться через балкон. А это не входит в мои планы».

Саша и сам не понял, как подошел к морозильнику и положил руку на кирпич, оставленный там ранее. Теперь следовало сжать пальцы, чтобы взять его.

В этот момент дверь дернулась сильнее, чем прежде. И приоткрылась шире. Но в темноте ничего не получилось разглядеть.

У Саши не получилось.

Но кто-то. Тот, кто находился за дверью.

Смог разглядеть все прекрасно.

И Саша услышал слабый хрип. Незнакомое сдавленное рычание. Признаки живого. Вернее, неживого.

В дверь начали скрестись.

Паниковать, бежать сломя голову! Спотыкаться! Падать! Повредить ногу обо что-то? Хромая бежать до подъезда?

Ничего не принести домой? Умирать?

Нет.

Внутренняя борьба (относительно того, как поступить) у Саши закончилась быстро. «Развернув» в своей голове несколько полотен будущего, он выбрал то, что сулило ему большую выгоду.

За этот, как ему казалось, длинный день он научился чуточку быстрее принимать правильные решения. Три месяца страха и сплошных поисков вариантов наконец-то приносили свои плоды.

Было страшно. Колени подгибались, стало подташнивать. Сердце снова заколотилось, как у какого-нибудь знаменитого бегуна. Негра.

Но Саша начал двигаться. Он схватил пакеты с продуктами и оттащил к входной двери. Аккуратно приоткрыл ее. Выглянул.

Моросил дождь, солнце спряталось. Чернота скапливалась там, где раньше виделись просто тени.

Поблизости ни души, ни мертвого тела. Саша, стараясь не производить шума, выставил пакеты за порог.

Вернулся.

Взял кирпич и снова быстро вышел. Положил его возле двери. Так, чтобы если кто-то попытался ее открыть, то сдвинул бы кирпич.

Саша просунул руки сквозь ручки пакетов с припасами и повесил их на плечи. Потом согнувшись, взял в руки баклажки с водой. Выпрямился. Еле-еле. Говорят, своя ноша не тянет. Но она тянет. Реально прижимает к земле. Неудобные пластмассовые ручки впились в наполовину разжавшиеся пальцы. Колени подогнулись. Саша мог идти только медленно и сильно пошатываясь. Приходилось напрягаться, чтобы не выпустить воду из рук. Особенно, когда он спускался по ступенькам крыльца.

Ладони моментально вспотели. Да и сам он весь тоже покрылся испариной. Шаг за шагом Саша петляя приближался к двери подъезда.

Кушай, зайка

Саша случайно ударил бутылем по бамперу покрытой грязью иномарки. Седан. Колеса спущены. Сигнализация не сработала, видимо, аккумулятор сел. Но адреналин от испуга, что звук кто-то услышит, уже распространялся по крови.

Снова оглянулся. Никого. Ничего.

Это хорошо. Вперед!

Вот и подъезд. Собачка лежала на своем месте.

Онемевшие пальцы без его ведома внезапно разжались. Но он успел присесть, и бутылки мягко опустились на землю. То есть прямо в грязь.

Захотелось пить. И есть. Много чего хотелось, но желание поскорее убраться с улицы все же преобладало.

Закрываем один глаз, чтобы потом лучше ориентироваться в темноте. Три глубоких вдоха. Пальцы с болью сжались. Ноги разогнулись. Дверь мыском ноги вправо. Вперед!

Ступеньку за ступенькой он нес свой драгоценный груз к квартире. Снова и снова заставлял себя переставлять ноги, не разжимать пальцы, терпеть боль. Сила воли. Очень полезная штука. Главное – иметь цель.

И вот металлическая, обитая кожзамом дверь возникла перед глазами.

Поставил все на пол. Постучал. Отошел назад и взглянул наверх. Никого.

С другой стороны двери скрипнул пол.

– Открывай! Скорее открывай! – поторопил он жену.

Зашевелилась щеколда в пазу. Скрипнула, противно, как мел по доске. Дверь слегка приоткрылась.

– Да что мне и открывать еще самому! – почти закричал Саша. – У меня руки все... открывай!

Дверь моментально распахнулась. И он увидел замотанную в давно не стиранный плед женщину. В такой же несвежей одежде. Посмотрев испуганными глазами на Сашу и увидев его ношу, она быстро отпрянула в сторону.

Дорога освободилась. Пальцы сжались. Ноги разогнулись. Вперед. Рывок, который называется последним!

Проходя мимо жены, Саша начал улыбаться. Но когда уже ставил продукты в прихожей, улыбка исчезла с его лица. Выполнив первую часть плана, он вспомнил про вторую. Вытряхнув пакеты с едой прямо на пол, он метнулся на кухню и взял еще один нож.

Сын сидел в зале на диване и вопросительно смотрел на него. Ничего не говорил. Приучили молчать.

Вернувшись в прихожую, он сказал:

– В магазине еще много еды. Воды, думаю, тоже. Но, по-моему, там кто-то есть.

– То есть? – словно, выронила она эти слова и прижалась спиной к стене.

– Ну, то есть там точно кто-то есть.

Глаза жены вопросительно расширились, но она была так слаба, что не смогла заплакать или просто не успела. Саша знал, что нельзя тратить время на разговоры, иначе он струсит и не доведет до конца то, что задумал.

– Некогда объяснять. Сейчас я проверю подъезд. Закрою его чем-нибудь снаружи, – это Саша придумал только что, нужно же было как-то успокоить и отвлечь мысли жены. – Если со мной что-то случится... А со мной ничего не случится, то вы, по крайней мере, будете закрыты. Но все будет нормально. Я уже убил одного.

– Да? О боже! Но как? Где?

– Неважно. Жди.

С этими словами он сжал ее плечо. Заглянул в глаза. Неуверенно улыбнулся. Она ответила ему только страхом в своем взгляде.

Саша прошел через темную прихожую и, глубоко вдохнув, вышел из квартиры.

– Закрой.

Когда Саша вышел, Марина почувствовала, будто ее жизнь ушла вместе с ним. Остаться дома, когда твой муж пошел сражаться с «бывшим», было невыносимо. От страха за него, за себя, за все.

Но с другой стороны, что она могла там сделать?

«Да что угодно! Лишь бы помочь ему победить! Поэтому-то ты и жена! – закричала она про себя. – Ладно, – начала успокаиваться Марина, – он со всем справится. Сказал, что справится, значит так и будет. В конце концов у меня нет причин ему не доверять. Ведь если бы не Саша, то мы все бы уже были мертвы».

Она уже понадеялась, что сегодня Саше больше не понадобится выходить, поэтому его решение снова покинуть дом выбило ее из колеи. Марина начала возвращаться к жизни из своих мучительных размышлений и вдруг поняла, что сидит у закрытой двери, обняв колени руками. Забыла обо всем. Растворилась в мыслях.

Надавив на веки, она «выжала» и сразу же вытерла не выпущенные слезы и, оперевшись на стену, начала подниматься. Прислонив ухо к двери, прислушалась. Шаги Саши давно утихли. Ушел. Шорох с кухни подсказал, что маленький Миша добрался до продуктов, принесенных папой.

«Нужно чем-то занять себя, – подумала Марина. – Например, можно разобрать продукты и накормить ребенка».

На кухне Марина увидела Мишу, игравшего с пачками гречки, и улыбнулась. Ребенок в последнее время перестал проявлять интерес к чему-либо, и в его глазах давно уже нельзя было увидеть искорок.

– Ну что, давай я тебя накормлю! – прошептала Марина и провела рукой по волосам мальчика, но тот ей ничего не ответил. Сын вертел прозрачную упаковку с гречкой в грязных руках и наблюдал за тем, как ядрица пересыпается.

Марина достала банку тушенки и нашла в одном из ящиков стола «открывашку». Вздыхнула. В «те» хорошие времена консервы всегда открывал Саша. Но сейчас ей нужно перешагнуть через воспоминания из старого мира. Теперь они живут в мире новом...

Немного помучавшись, Марина открыла банку, размельчила мясо в ней ножом и поставила на стол перед Мишей. Положила рядом одноразовую вилку и сказала:

– Кушай, зайка. Это вкусно. Сейчас я тебе водички налью.

Марина осторожно выглянула в окно. Вдалеке на границе видимости. По одной из улиц шел человек. «Бывший». Ее тревога начала утихать, когда она поняла, что существо удаляется, а не идет в их сторону.

План

Выйдя из квартиры, Саша быстро поднялся наверх. До пятого этажа.

Никого.

Спускался вниз тоже второпях. Нельзя давать себе много времени для раздумий над тем, что затеял. Время для этого – враг.

Медленно открыл дверь из подъезда. Осмотрелся.

Чисто.

Вышел на улицу.

Солнце яркими теплыми лучами разрывало тучи, растворяя черноту, лезшую из каждой тени. Это приободрило.

Но не сильно.

Время все же начинало влиять на решительность Саши. До магазина он пошел пешком. Не побежал. Убеждал себя в том, что обдумывает каждую деталь своего плана. Старался не упустить ничего. Снова и снова прогонял в голове мысли. И приходил к одному и тому же заключению. Должно получиться.

Вот и крыльцо магазина. Справа – никого, слева – тоже. Значит, вперед.

Саша поднялся по ступенькам. Дверь оставалась закрытой. Кирпич не сдвинут. Он наклонился и взял его. Выпрямился и спокойно открыл дверь.

Все на своих местах.

Та самая дверь оставалась завалена всяким хламом. Не двигалась. Напротив нее стоял холодильник. В таких обычно хранили мороженое. Саша подошел к нему и, не без труда из-за разбросанного на полу мусора, придвинул его к подсобке. Теперь дверь могла открыться максимум наполовину. Но даже несмотря на шум, то, что скрывалось за ней, не проявляло никаких признаков... «нежизни».

Это поставило Сашу в тупик. По его замыслу все должно было происходить несколько иначе. Но никто не пытался выйти оттуда, куда заходить никто не хотел.

Как поступим?

Может, сдохло? Во второй раз. Такое бывает без внешних причин?

«Возможно, – задумался он. – Ладно, не буди лихо, пока оно тихо. Поменяем местами пару пунктов плана. Я узнаю, что там потом, а сейчас займусь оставшимися продуктами».

Теперь Саше предстояло осмотреть вторую комнату, которой во время первого визита он уделил мало внимания.

Здесь мусорные завалы оказались значительными. Куча бумажных коробок, будто бы пропущенных через мясорубку. Все в бурых пятнах от какой-то жидкости. Осколки бутылок или банок вперемешку со сгнившими продуктами.

Среди этого Саша обнаружил еще и засохшую кошку.

И настроение помрачнело.

Своего кота они потеряли...

Саша завел его перед рождением сына. Летом. Привез из деревни от родителей. Тогда котенок помещался на ладони. Всегда был ласковым. И со всеми. А теперь он нигде.

Встряхнув головой, Саша постарался отвлечься от этих мыслей. Они мешали делу.

Несколько небольших банок солений. Кажется, литровых. Грибы, огурцы, и что-то еще. Это пригодится. Их не нужно готовить. Хорошо.

Дальше – просто везение. Он вытащил из мусора почти полкоробки маленьких жестяных банок тушенки! Этому Саша несказанно обрадовался.

«Все-таки тушенка – вам не соления! Тушенка – это мясо!»

Еще в коробках оказались сушеные бананы и курага. Он не глядя стал кидать их в пакеты – это витамины.

«Кстати! – осенило его. – В соседнем доме есть аптека. Там тоже должен храниться небольшой запас воды, да и витамины».

Но, оглянувшись на таинственную дверь, Саша решил:

«В следующий раз. Итак, что у нас дальше?»

Еще две полторалитровых бутылки воды. Минеральная. Сильногазированная.

Много овсянки.

Саша задумался.

«Логично, что овсянку не брали. Она невкусная. Но для желудка полезная. Особенно сейчас, когда живешь впроголодь. Попробуем взять побольше».

Он достал из кармана еще один полиэтиленовый пакет. Проверил, нет ли в нем дыр – все оказалось отлично. Затем разорвал картонные коробки и ссыпал хлопья в пакет.

«Так больше влезет и займет меньше места».

Двенадцать коробок заполнили пакет почти наполовину. Следом, Саша побросал туда же супы быстрого приготовления. В студенчестве их называли «бомжами». Он улыбнулся. Через какое-то время оба пакета удалось забить под завязку.

Саша перенес пакеты к входной двери. Отошел в сторону и подобрал с пола бутылку коньяка. Хорошего. На прошлый новый год его по акции продавали всего за восемь сотен.

«Возьму, – решил он. – Нужно расслабиться. А вообще, хорошо было бы напиться. Хотя нам в таком состоянии, наверное, и надо-то всего пару стаканов. Жалко лимона нет».

Саша с озабоченно-довольным видом поставил литровую бутылку рядом с пакетами. Открыл одну из «полторашек» и сделал несколько больших глотков минералки. Газы обожгли горло. Как же приятно. Пить воды, сколько хочешь.

Теперь займемся дверью.

Он взял кирпич и подошел к холодильнику. Достал из кармана нож. Снова намотал съехавший шарф на лицо. Несколько раз взмахнул ножом, словно, стараясь ударить кого-то сверху вниз. Закрыв глаза на секунду:

– Ну, давай!

С третьей попытки.

Из-за страха, только с третьей попытки он ударил по двери. Потом еще несколько раз. Громко. Чтобы услышали.

Через несколько секунд в дверь заскреблись. Послышалось какое-то шуршание. Саша несколько раз кивнул сам себе.

Оглянулся.

Путь для возможного бегства был чист. Взял в левую руку кирпич. Правую, в которой был нож, положил на ручку двери.

Резко дернул на себя.

БЫВШИЙ ЧЕЛОВЕК

Саша открыл дверь только со второго рывка. Мешал мусор, наваленный возле нее. Слабый свет вспугнул черноту, и у самого входа в подсобку он увидел эту тварь.

Неживую.

Половина волос облезла – лысую бугристую макушку покрывала пыль.

Бывший человек полулежал, опершись левым плечом на дверь. Его ноги были придавлены металлическим стеллажом. Сейчас не получалось разглядеть, но, кажется, существо пыталось их перегрызть.

На его лице лежал толстый слой пыли. Из гнойников текли капельки черной жидкости, оставляя на щеках бороздки, как от слез. Вид у мертвеца был мерзкий. И вместе с тем жалкий. По сравнению с существами, что Саша привык видеть на улицах из окна, этот «бывший» был слишком тощим и беспомощным. Видимо, голодал.

Спустя несколько секунд тварь ожила!

Зашевелилась, разворачиваясь поудобнее. Глаза начали искать Сашу. Карие, в красных трещинах. На тех ресницах, что не выпали, висели паутинки.

Руки со стертými до кости кончиками пальцев потянулись к нему из темноты. Можно сказать, что фаланг с ногтями у «бывшего» больше не было.

Резко перегнувшись через холодильник, Саша ударил неживого кирпичом прямо в лоб.

Слабо ударил.

Бывший человек лишь качнулся назад.

«От удара кирпичом в лоб!»

«Первый» мотнул головой и уже более осмысленными движениями попытался схватить Сашу. Видимо, удар его разбудил.

А он-то представлял, что все произойдет чуточку иначе. И сразу. За один удар. Но оказалось, чтобы пробить кому-то череп, нужно ударить очень сильно. Хотя, как бить со всей силы, когда ты дрожишь? И думаешь, что сейчас умрешь. Когда тебя бросает то в жар, то в холод! А тварь-то в это время не останавливается! Она лезет на тебя! Правда, для нее это все равно бесполезная трата сил.

С каким-то новым бурчанием из мертвой глотки, «бывший» начал активнее размахивать руками. Сжимать и разжимать пальцы. Но Саша стоял за столом. До него «первому» было не добраться.

Вся храбрость куда-то ушла.

Вместе с теплом. Саша, видимо, вспотел, и прохладный воздух с улицы теперь заставлял его ежиться в своей зимней куртке.

«Что терять-то время?» – пронеслась в его голове мысль.

И он, резко перегнувшись через холодильник, со всей силы ударил тварь между глаз.

Что-то хрустнуло.

Крови почти не было. Нос существа вмялся вовнутрь. Глаза закатились, и оно, захрипев, откинулось назад.

«Всего-то делов!»

Обрадоваться Саша не успел. Бывший человек поднялся вновь.

Один его глаз был залит кровью, и что-то темное слабо сочилось из вмятого внутрь носа.

Теперь «первый» стал не такой резвый как раньше. Но видимо, инстинкта самосохранения у него не имелось. Потому что пальцы с ошметками мяса и кожи вновь потянулись из-за двери.

Рассвирепев, Саша схватил «неживого» за запястье и сильно дернул вперед. Бывший человек повалился на грудь, и Саша три раза молниеносно ударил его в затылок!

Вот так надо бить!

На кирпиче осталась какая-то темная не то кровь, не то слизь. Бросил его на пол. Стало противно держать эту «вещь» в руках.

Почти беззвучно кирпич скатился по обрывкам бумажных коробок, образовавших весьма своеобразный «ландшафт» в этом помещении.

Существо больше не шевелилось.

«Однозначно мертво».

Саша увидел под ногами какую-то тряпку. Наклонился, разорвал пополам. Завязал ее концы. Теперь можно будет связать ему руки. На всякий случай.

С усилием отодвинул холодильник. Из него потекла какая-то мутная жидкость.

Подошел к мертвецу.

«К абсолютному мертвецу».

Открыл дверь в подсобку шире. Встал на него и завел руки за спину.

Подташнивало.

Никто никогда не говорил про их специфический запах. Противный. Пот с чем-то еще... Хотя, если бы кто-то знал, что это за «еще», то, наверное, от этой заразы получилось бы противоядие. Ну или что-то такое.

Связал.

Отволол за шкирку на середину комнаты.

Сначала тянул с усилием, а потом придавленные останки ног оторвались. Саша и думать про них забыл.

«Как странно, – заговорил сам с собой убийца неживых. – Почему же из него не льется кровь? Стоп! Действительно. Как так? Труп... совсем легкий».

Заколотила дрожь. Да так, что сознание помутнело. Он прислонился к стене и сел. В глазах стояли слезы. Вот только отчего плакать? Все же получилось!

Нет, только начало получаться то, что, видимо, придется делать до конца жизни.

«Вот почему Марина постоянно плачет! – пришел к неожиданному выводу Саша. – Она четко понимает, как изменился мир. Все его мелочи и "крупности". Сейчас стало так, как раньше не случалось никогда. Все перевернулось. Изменилось. Если когда-то ты был самым опасным существом на планете. То теперь... И горячей воды нет».

Саша встряхнул головой.

«И это не какая-нибудь война. Во время которой вас могут: убить, взять в плен или вы станете победившей стороной. Тут такого не будет. Побеждать некому! Некого! Нет армии. Сплоченной единой целью – "поубивать человек"!" Просто теперь жизнь стала другой. На такое не рассчитывали! К такому не готовились!»

Саша резко встал. В глазах поползли бензинового цвета круги, потом вокруг потемнело. Он уперся рукой в стену, чтобы не упасть, и начал тереть веки. Вскоре пришел свет, который снова изгнал черноту.

«Так! Действовать строго по плану! Не расслабляться! Не расслабляться, я сказал! Нужно его куда-нибудь оттащить».

Но сначала завернуть голову в пакет. Чтобы не оставался след от вытекающей из нее слизи.

Помойка

Саша медленно, словно нехотя, поднялся. Несмотря на внутренние усилия, он выглядел растерянным. Ведь ему до этого никогда не приходилось убивать людей. Тем более мертвых.

«Так, пакет...»

Он вытащил из мусора черный дырявый пакет с ручками и натянул на голову мертвецу. Потом вспомнил, что ноги у парня оторваны, а значит «бывший» сможет оставить свой кровавый след в его истории. И тогда, возможно, набегут его друзья. На запах. Это следовало исправить, на что ушло еще два пакета.

Сойдет.

«Итак, голова упакована, – Саша начал повторять последовательность действий, чтобы ничего не забыть. – Ноги "обуты". Можно тащить. Только продукты и воду лучше сначала отнести к подъезду. Чтобы потом не терять время на возвращение. Вдруг что-то случится».

Соглашаясь со своим планом, он несколько раз кивнул, но внезапно остановился как вкопанный.

«Хотя стоп. А что это там у меня в подсобке?»

Действительно, Саша даже не проверил, что находилось в той комнатке. Где был придавлен «бывший».

Тяжелый совдеповский стеллаж упал парню прямо на колени и переломал их. Рухнул он так неудачно, что «бывший» не мог его сдвинуть или перевернуть.

Бедняга.

Пытался перегрызть себе ноги, но дотянуться до них зубами не каждому под силу. Даже «бывшему». Обрубки так и остались лежать здесь.

За стеллажом стояло несколько картонных коробок. Белый наполовину полный мешок. Швабра. Ломик...

«Ломик!»

... ведро. Упаковка минералки. Топор.

Саша не стал повторять это слово в своей голове дважды. Он быстро перепрыгнул через стеллаж и взял топор в руки. Старенький, на короткой выдавшей виды ручке. Да и туповат. Но убивать зомби проще топором, чем куском кирпича.

День определенно становился все лучше и лучше.

После «убийства» в голове все стало как-то иначе. Саша постоянно терял нить своей главной мысли – как избавиться от трупа. Стоило сделать пару шагов, и он начинал думать о какой-то ерунде. Хотя о ней лучше было бы поразмышлять дома за рюмочкой коньяка.

Своей голове не прикажешь...

Просунув руки в ручки пакетов, Саша надел их на плечи, взял бутылки и двинулся к своему подъезду. В этот раз ноша была гораздо легче.

Собака лежала на месте.

Дверь закрыта.

Открыл. Осмотрелся внутри подъезда. Поставил пакеты внутрь. Закрыл.

«Теперь нужно вернуться, чтобы похоронить это...»

Двигался он медленно.

Солнце завернулось в тучи, и начинал моросить дождь. Поднимался ветер. Погода портилась. Ноябрь. Кругом брошенные автомобили, мусор, превращавшийся в грязь. Мертвецы, что ходят где-то поблизости.

Дойдя до магазина, Саша понял, что ни разу не оглянулся.

«Страх потерял? – спросил он себя, озираясь по сторонам. – Или думаешь, Этот один тут такой был?»

Вошел в магазин.

В помещении стало темно. И чернота, выползая из мрачных углов, тянулась к телу, лежавшему посередине комнаты. Саша посмотрел на него. Мертвее мертвого. Бывает и такое. Пора привыкать...

Аккуратно и основательно, он взял зомби за шкуру. Сделал вдох и потащил к выходу.

Это было несложное занятие. Гораздо труднее проламывать череп.

«Хотя если привыкнуть, да и при наличии топора...»

Открываясь, дверь почему-то скрипнула, но Саша не придал этому значения. Сейчас ему хотелось только одного – чтобы «прогулка» поскорее закончилась. Быстро сбежав по ступенькам, он потащил свою нетяжелую ношу в сторону мусорных контейнеров. Или «помойки», все так называли это место.

«Интересно, – подумалось ему, – а вот были бомжи, что постоянно у помойки околачивались. И скорее всего, они стали все "бывшими". Или их просто съели. Ну они ведь у нас самые незащищенные, но проспиртованные слои населения... Вернулись ли они на помойку или у них там какие-то другие инстинкты сработали?»

«Может быть, двинулись по дорогим магазинам одежды и алкоголя? – пошутил он сам с собой. – Ну, чтобы хоть после смерти получить то, что им обещало государство».

Саша и не заметил, как преодолел половину пути.

Слева, за рядом припаркованных машин, расположилась детская площадка. Металлическая горка с тремя спусками. Качели. Песочница. И еще рядом такие штуки, металлические столбы, на них натягивают веревки и вешают сушиться стираное белье.

«Бельевые столбы? – подумал он про себя. – Может быть, так они называются? Неужели кто-то до сих пор этим пользуется? Хотя сейчас уже точно нет...»

До помойки – семи мусорных контейнеров, огороженных бетонными плитами, оставалось метров двадцать. Длинный дом, тот, в котором находился магазин, закончился, и справа открылся свободный от застройки участок. Там стояла пара гаражей, вились три тропинки, и догнивала сломанная лавочка у песочницы. А дальше снова жилые дома.

То есть нежилые.

Раньше. Перед контейнерами всегда была грязь. Видимо, люди натаптывали. Или мусоровоз своими колесами. Но он больше здесь не появится.

Саша остановился в десятке шагов от помойки. Осмотрелся.

«Вроде бы чисто».

Опустил свою ношу на землю. Пошел вперед. Обошел бетонное ограждение. Когда-то в доме за ним находился магазин автозапчастей. Однажды Саша даже покупал там машинное масло. Кстати, вышло дешевле, чем в остальных.

«Какая теперь разница?»

К счастью, никого из неживых поблизости не оказалось. У Саши в сотый раз за этот длинный день заколотилось сердце.

От радости. Еда и вода дома есть. Никого... опасного не встретил. Первая вылазка почти удалась. Осталось вернуться.

Поднимайся наверх

Быстро закинув в полупустой контейнер тело, Саша почему-то не ушел сразу, а остановился и взглянул на «бывшего».

– Обычный человек, – сказал он шепотом. – Ты. Такой же, пожалуй, как и я. Только непонятно, кому из нас повезло больше?

По привычке Саша оглянулся и, не обнаружив опасности, продолжил:

– Иногда мне кажется, что повезло все же тебе. Удача улыбнулась. Потому что мы, живые, уже не на Земле. Хотя никуда не улетали. Да.

Он сделал паузу, задумавшись:

– Ты и не знаешь, чего хотел в последние часы своей... нежизни. Но, если бог, – Саша скривил лицо, – и все, что должно присутствовать при нем, существует. То сейчас ты снова должен обрести себя. После второй смерти. Или после смерти смертей. Или искупления. Не знаю! Ведь, если бог есть, то все это было не просто так, понимаешь?

Саша снова осмотрелся, а потом с вызовом посмотрел на черный пакет, надетый на голову мертвеца.

– Может быть, мы все сейчас находимся на каком-то новом этаже ада? И после смерти попадаем куда-то в иное место? Если так, то, как бы это ни прозвучало... я вызвал тебе лифт из преисподней. Поднимайся наверх.

Повторив про себя последние слова, Саша в очередной раз оглянулся и со всех ног помчался домой. Он срезал дорогу по тропинке у детской площадки. Вбежал в подъезд. Взял сумки и стал подниматься.

Постучал в дверь.

Через три секунды она отворилась. Вошел. В свою маленькую квартирку, что еще светила жизнью в этом угасшем мире...

Выкладывая еду из пакетов, Саша вздрогнул. Замер. Вспомнил.

Когда он возвращался.

Возле подъезда.

Дохлой собаки уже не было.

– Знаешь, «бывшие» какие-то не такие, как мы их всегда представляли.

Саша не спеша ел тушенку прямо из жестяной банки. Они с женой сидели за столиком на кухне. Сынишка уже поужинал и играл в зале. Бесшумно. Без смеха и криков. Как будто его и не было вовсе.

– Ты все про свою собаку?

Он ответил с видом героя провалившегося в прокате боевика:

– Ну, это не моя собака, но да, речь о псине. Дохлой раздавленной псине!

– Какой ты храбрый! – подыграла ему жена.

– Да, детка, я суров!

Улыбнулись. Не посмеялись, лишь улыбнулись. Это происходило нечасто в последнее время. Поэтому оба с непривычки почувствовали смущение. Переглянулись. Улыбнулись. Снова.

– У нее были очень странные зубы. Знаешь, как осколки камней. Есть какие-то камни, ну или что-то вроде камней, – Саша с трудом подбирал слова. – Такая достаточно твердая порода. Но ее все равно можно расколоть. И из нее получают неровные, но острые куски.

– Ну примерно представляю, о чем ты.

– И вот у этой псины были именно такие зубы.

– Из камней?

Саша налил себе пол рюмки коньяка и четверть жене. Выпили. Марина жадно хлебнула воды.

– Нет, ну они напоминали камни. Только из кости, наверное. В общем, это не были обычные зубы собаки, пусть и увеличенные в несколько раз. То, что я видел – это совершенно другие «зубы».

– Может быть, стекло? От пивных бутылок. Или чего-то еще?

Саша нахмурил брови:

– Нет. Эти штуки совсем не походили на то, о чем ты говоришь. Точно не стекло.

Закончив с едой, они перешли в зал. Саша налил себе широкий стакан и стал возле выхода на балкон. Смотрел в окно. Внутри было жарко, так что он даже расстегнул «домашнюю» куртку. Да, в квартире тоже ходили в верхней одежде. В куртках, шапках, в двух штанах и зимней обуви. За окном – конец ноября. Было очень сыро и холодно, а отопление никто не включил.

Саша ничего не говорил жене о своих страхах, но ждал, когда кто-нибудь из них первый простудится. И заболеют все. Антибиотики и другие лекарства имелись в аптечке. Но не было тепла, горячего питья, покоя, правильного диагноза и рецептов. Проще говоря, отсутствовало многое, что могло бы значительно увеличить их шансы на выздоровление. Хотя, скорее всего, Марина это тоже прекрасно понимала. Просто оба молчали. Не буди лихо, пока...

Саша насторожился и спрятался за штору.

Вид из его окон – улица Кирова, шестиполосная проезжая часть. Параллельно дороге был вымощен брусчаткой широкий тротуар. По нему сейчас шел «бывший». Саша определил его мутацию как «третий», переходящий в «гончего».

Все просто. При условии, что вы достаточно долго наблюдаете за этими тварями и размышляете над увиденным за окном.

Через какое-то время классифицировать «бывших» вы начинаете автоматически. В магазине, например, Саша видел «первого». Да и то, «первым» называть этот зомби-отброс язык не поворачивался. Так, «0,5». А может и вовсе «0,33».

Саша улыбнулся. Новая шутка. Только рассказать некому.

«Третий» отличался от «первого» и «второго» как поведением, так и телом. Например, во время движения он регулярно переходил на медленный бег, что предыдущие «модели» делали, только преследуя кого-то. Помимо этого, у «третьего» были чуть-чуть вытянутыми лицо, уши, руки и пальцы. Хотя, конечно, с такого расстояния этого нельзя было утверждать точно, но выглядело все именно так. Нет, «третий» не становился похожим на какого-то оборотня из кино. Просто выглядел как уродливый или изувеченный человек. Его даже можно было спутать со «вторым». Если вы новичок.

После «третьих» по иерархии шли «гончие», которые значительно отличались от всех своих «предшественников». Их лица, хотя лучше называть это мордами, были сильно вытянуты, из-за чего получалась необычная, почти квадратная челюсть. Зубы росли не так, как у людей: вверх и вниз. У «гончих» они торчали вперед, а когда челюсти соединялись, зубы образовывали «клин». Острый, крепкий, смертельный.

Руки и ноги у этого вида «бывших» были удлинены. Впрочем, как и сгорбленное туловище. Видели, наверное, когда-нибудь горбатых людей? Вот «гончий» такой же. Только без горба. Он согнутый как вопросительный знак и постоянно бежит. Не особенно быстро. Но Саша видел «гончих» только во время их бродячих прогулок. Они ни за кем не гнались. Поэтому скорость – вопрос спорный. Еще неисследованный. И это все, что Саша знал о «гончих».

На «третьем» осталось еще довольно много одежды – обрывки темной куртки и рубашки, брюки по колено. Ноги босые. Волосы только на затылке.

«Бывший» спокойно шел-бежал по тротуару. Остановился. Посмотрел в окна домов.

«Стоп! Что он сейчас сделал?!» – глаза Саши широко раскрылись.

Третий

Действительно.

Перебегая от одного дома к другому, «третий» заглядывал в окна. Ну, не то чтобы он подходил к ним, прислонялся мордой к стеклу и заслонял свет ладонями. Нет, но взгляд его блуждал по фасадам. Иногда он даже чуть-чуть забегал во дворы домов и смотрел на окна оттуда.

– Иди сюда, посмотри! – подозвал Саша жену.

Задремавшая уже Марина как солдатик вскочила с дивана и подошла к нему. Он указал ей пальцем, куда смотреть.

«Твою ж мать! Урод. Иди-ка ты домой! Проваливай!» – Саша начинал волноваться. «Третий» не реагировал на его мысленные обращения. Он семенил от одного дома к другому. А затем вообще скрылся из виду за углом.

– Что же он делает, Саш?

– Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет.

– А если он заберется к нам?

– Ну, если мы его заметим, то, пока он будет лезть, я сброшу на него телевизор. Благо у нас есть старый. Хозяйский.

– А если мы его не увидим? Вдруг он ночью...

– Ну, в этом случае, думаю, все понятно.

Марина заплакала. Только без слез. Просто ее лицо исказила гримаса отчаяния.

На Сашу тоже накатывало волнами. Страх. Бездна. Но у него как-то получалось держать себя в руках. Он попытался объяснить это Марине, может быть, его слова дадут ей какую-то уверенность. На что она ответила:

– Ты что не понимаешь? Правда не понимаешь? «Третий» может прийти не когда-нибудь. А сегодня! Ясно тебе?! – с вызовом бросила жена. – Сегодня. Прямо сейчас. Он может забраться в квартиру прямо сейчас!

Спали в ванной комнате. Посчитали, что так безопаснее. Саша на полу. Марина и Миша в самой ванне, которую застелили одеялами.

Днем кто-то постоянно дежурил у окна.

Однажды по улице прошли двое «первых». А может быть, и «вторых». Но они просто брели в свою неизвестность. Искали еду? Ну, не патрулировали же улицы!

– Есть же еще люди... не могли же мы остаться здесь втроем? Втроем в целом городе!

Марина ничего не ответила. Она сидела на скрипучем деревянном стуле у окна. Смотрела за стекло. Хотя, наверное, никуда не смотрела. Теперь, чтобы выжить, они были обязаны по очереди дежурить здесь. Отдыхать от этого. А потом вновь садиться к окну. И этому кругу перемещений с дивана на стул, судя по всему, не предвиделось конца.

Вот так провести остаток жизни... Проклятые «бывшие».

– Понимаешь, у них, наверное, происходит то же самое, что и у нас. В каком-то смысле, – попытался во второй раз завязать разговор Саша.

– Лично от меня этот твой смысл находится на каком-то недостижимом расстоянии... – не самым добрым тоном ответила Марина.

– Ну, – немного разозлившись, продолжил он, – ты же принимаешь все произошедшее, как разрушение. Абсолютное, но все же, как простое разрушение. Мир пал.

– А как еще все это можно воспринимать? – искренне удивилась жена. – Газа нет, света нет, воды тоже. По нужде мы ходим в ведро и выливаем с балкона. А теперь и спим в туалете! – она указала рукой в сторону совмещенного санузла и многозначительно взглянула на

мужа. – Нет, конечно, ничего страшного! Это простое абсолютное разрушение. «Абсолютное», вот только «простое» оно у него! Когда есть нечего! Пить нечего! И сходить-то на ведро уже скоро снова будет нечем!

– Я тебе не о том говорю! Да, для нас это трагедия. И смерть. Но если смотреть... Не знаю, как-то со стороны вселенной, может быть, то это просто смена одной эпохи на другую. Например, эпоха людей завершена и наступила эпоха мутантов.

– Зомби, – поправила она его. – Это зомби, Саша. Не живые люди. То есть...

– Неживое двигаться не может! Они живые, но по-другому. И зомби – это только «первые». Когда дело доходит до «вторых», то тут уже что-то иное. Да и чем зомби отличается от мутанта? Мне кажется, это какая-то эволюция. Или мутация. Не знаю, как назвать. Но тут же все другое! Этот новый мир такой же живой, как тот, что был при нас. Понимаешь?

– Ты на чьей стороне?

– Да какая разница, на чьей я стороне!?

Разговор не клеился. Жизнь не ладилась.

«Над любыми отношениями нужно работать, всегда приходится стараться ради них, – думал он. – А сейчас, когда главное – каким-то образом протянуть денек-другой, никто особо не заморачивается на этот счет. Просто хочется жить. Но нет желания доживать свой век в такой озлобленной атмосфере».

– Марина! – пересилил себя Саша.

– Что?

– Когда оказываешься в ситуации такой, как у нас, начинаешь по чуть-чуть отстраняться. И сближаться. Одновременно. Открываются новые особенности отношений двух людей.

Он вздохнул.

– Когда не смотришь в будущее, настоящее более осязаемо. Вот ты сидишь на стуле. При слабом освещении, том свете, который пробивается сквозь тучи. А завтра тебе никуда не надо. И послезавтра. И через год. И к тебе никто не придет. И мужу твоему никуда не надо. И ребенок в садик не ходит. Вам никуда не надо. Все то, куда мы могли бы пойти, покрылось пылью, гниющей листвой, прочей грязью. Понимаешь? Это все уже прошлое!

Саша посмотрел на Марину, но она отвернулась к окну. В ее глазах он успел заметить слезинки.

– А настоящее, вот оно. Это когда ничего больше нет. То есть, если раньше мы не знали, что будет завтра, ну, могли заболеть, попасть под машину...

– Так что сейчас? Что есть для нас настоящее?

– Ну, у меня есть кое-какие мысли на этот счет.

Она ничего не ответила. Не поворачиваясь, смотрела в окно.

– Если выбрать достаточно простую систему координат, где нет бога и прочей мистики. Но есть люди, которые пытаются понять, как им выжить. То ты сможешь понять то, о чем я хочу сказать.

– Ну, давай.

Пьяный дракон

– Так вот. У нас ведь с тобой нет никакой Великой миссии?

Марина позволила Саше донести до нее его теорию происходящего, хотя бы попытаться. Тон мужа был напряженный, и она чувствовала, что это будет смесь приземленной философии и отчаяния. Но в то же время женщина понимала, что для него это действительно важно. Какой бы бред он ни нес.

– Чего-то такого нет, правда, – вздохнув, ответила она.

– Просто мы живем? Так?

– Да.

– Да, правильно. И мы оказались в ситуации, из которой не можем сами выбраться?

Марина кивнула.

– Мы там, куда никто не пришел за три месяца, чтобы помочь нам? – спросил он.

Снова кивок. Ее раздражал этот «вопросно-ответный» педагогический метод, но она терпела.

– Мы не видели никого, кто мог бы нам помочь. И никому не готовы помочь сами, потому что у нас нет никаких средств и ресурсов? Так?

– Да, – выдавила Марина.

– Тогда получается, что мы в безвыходной ситуации?

– Ну, это и так понятно, что ты хотел сказать такого нового?

– Нет, тебе непонятно, – как будто обрадовался этому ее ответу Саша. – Ты воспринимаешь это просто как фразу «безвыходная ситуация, бла-бла-бла и так далее». Вот только у нас с тобой, внимание, не будет самого важного из этой фразы. У нас не будет «так далее».

– Я что-то перестаю начинать тебя понимать.

– Марина, к нам никто не придет. И помощи не будет. Ни-ко-гда.

Саша посмотрел на жену, но ответного взгляда не дождался.

– Мы сейчас с тобой на самом деле ничего не ждем. Потому что ничего больше не будет. У нас закончится еда. И через месяц, а если повезет, то через два, наступят первые морозы. И мы замерзнем. Мы умрем, Марина, мы с тобой сейчас не выживанием занимаемся, понимаешь? Мы умираем. Нам осталось жить чуть-чуть. И как я говорил вначале о смысле жизни, мы тут уже ни с кем не сможем договориться насчет того, как жить и для чего жить. Это неважно, потому что мы умираем. Нет, мы вымираем.

– Все так печально, ты считаешь? – безрадостно спросила она.

– Если раньше можно было озаботить себя поисками смысла жизни, то теперь все. В этом месте данная услуга не предоставляется. Все разрушено. Мы одни, если не совсем, то на многие километры, которые нам не преодолеть.

– Но мы можем найти смысл жизни в том, чтобы выжить здесь! – попыталась спорить Марина.

– Никак здесь не выжить. Ну, вот прожили мы с тобой дольше других. И что, осуществились твои замыслы какие-то? Мы не знаем, как дальше протянуть!

– Как-то не хочется вот так умирать...

– А умирать никак не хочется.

– Да заткнись ты!

Саша опешил. Марина не повернулась к нему. Она сосредоточенно смотрела в окно.

– Знаешь что, Саша?

– Что? – озлобленно выплюнул он, разочарованный тем, как жена легкомысленно отнеслась к его умозаклечениям. Сейчас он готов был послать ее ко всем чертям. И с надеждой ждал удобного случая.

– Поди-ка сюда и разубеди меня насчет той девушки. На балконе пятиэтажки на перекрестке, где кафе «Пьяный дракон».

Первый ручеек

... к обеду загорелся первый пожар. И началось.

Всю ночь кто-то кричал под окнами, и, добавляя к ночному шуму вой своих сирен, мимо дома проносились кареты скорой помощи. Визжала автосигнализация, орала кошки, и лаяли уличные псы.

Потом «скорые» закончились. Ведь они приезжали туда, где некого было спасать.

Саша всю ночь не отходил от окна и заметил, что ближе к утру каждая вторая машина, что появлялась на дорогах, была полицейской. Неизвестно, боролись ли они с «этим» или просто разбегались под шумок?

На следующий день Марина увидела своего первого «бывшего».

Нечеловек пробил лобовое стекло в иномарке и лакомылся водителем. Женщиной. Ее муж или кто он там ей был, вывалился из машины и убежал.

Марина смогла рассмотреть все, потому что «обращенные» рвали людей не торопясь. Ловили, валили, душили, кусали. И рвали зубами. Когда жертва затихала, они садились на нее. Да, почему-то обязательно забирались на труп, а затем медленно ели. Насытившись, «бывшие» утаскивали тела. Они не старались поймать как можно больше людей, наверное, каждому из них нужен был только один. Для начала...

Саша поморщился от своих воспоминаний.

В те времена еще была горячая вода. И просто вода. Канализация работала. А сейчас все тело в прыщах – зуд не прекращался. «Душ» теперь принимали в виде влажных салфеток. По одной в день на человека. Сначала протираешь лицо, ну а потом в зависимости от того, что больше чешется. Это еще спасибо Саша догадался взять их три больших пачки. И детский крем. Но как аргумент для чего-либо – это начинало значить все меньше и меньше. Ведь маленькая Сашина семья понимала, что они протянули просто чуть дольше остальных. Но финал истории становился уже ясен.

Сегодня он еще не «умывался». Не хотелось открывать глаза, потому что если они закрыты, то вокруг просто темно. Но стоит пустить в них свет, как выстраивающиеся перед ним детали мира начинала дополнять странная чернота. Она выбиралась из своих тайных мест и донимала Сашу, сыпаясь каплями осеннего, почти зимнего, дождя внутрь него.

Вчера он мог выпить. И на это был повод.

Но Саша не стал.

В жизни начинали происходить изменения – хотелось уловить их цвет. Не помечен ли он чернотой? Если нет, значит, надежда есть. Поэтому и не пил.

«Изменения» заключались в том, что сначала Саша смог раздобыть еды и воды. А на следующий день Марина заметила в доме через дорогу живых людей. Выходило, что три дня назад они увидели своих первых нормальных человеческих существ. Правда, если уж быть совсем откровенным, то Саша застал только пустой балкон. Человека или девушку, как настаивала жена, к тому моменту на нем не оказалось. Поэтому он никого не видел.

«Не могло же Марине померещиться? Или могло? Неважно... хотя нет, очень важно!»

Теперь они уже второй день сидели у окна и старались подловить этих выживших, но пока их посиделки результатов не приносили.

Но делать все равно было больше нечего.

Смотрели за стекло. Немножко ели. Спали. Пытались объяснить сыну, почему ему нельзя шуметь. Почему вообще ничего нельзя. Это сложно, особенно, когда чувствуешь, что живешь уже не надеждой на что-то, а по инерции.

Саша давно проснулся, но не вставал. Сложно было для себя решить, зачем нужно это делать. Поэтому он лежал, наверное, вот уже час.

Смирившись с тем, что вставать все-таки придется, Саша открыл глаза. Как ни странно, его подруга с обратной стороны света – чернота – никак себя не проявляла. Где она? Ресницы были влажными, и картинка, которую глаза транслировали в мозг, выглядела смазанной. Возможно, поэтому и исчезла чернота?

Саша шевелил пальцами на ногах и пускал пар изо рта. Под мышками, да и вообще в районе всех промежностей одежда была влажной от пота. Теряя свое тепло, она становилась холодной. Сначала зачесалось в одном месте, а через минуту во всех остальных. Настала пора подниматься.

Прислушавшись, Саша понял, что жена и сын очень тихо завтракали на кухне.

Он облажался со всякими крупами, которых так много взял в магазине.

Их нужно варить.

«А газа нет! Электричества тоже нет! Горячую пищу никто не ел уже... Да всем известно, сколько прошло времени с тех пор! Как их приготовить? Как согреться зимой? Существует ли способ, чтобы решить все эти проблемы?»

Вот поэтому Саша и находился в дурном расположении духа с самого утра. От того, что ничего другого у него не было.

– С другой стороны можно поступить так, – он заговорил вслух. Не театрально, а натурально сам с собой, не задумываясь, что лежит и разговаривает. – Я выйду в подъезд. Ну, возьму топор. Буду стучать по дверям и заходить в разные квартиры. Искать «бывших».

Боковым зрением он заметил, что Марина с Мишей стоят в дверях и молча слушают. Не издают ни единого звука, который бы мог разрушить вялое течение его речи. Мимо них в этом «ручейке» иногда проплывали, как желтые осенние листья, отблески чего-то вроде надежды.

– Но «бывших», скорее всего, здесь нет. А если и есть, то они слабы, потому что есть им нечего, – продолжал рассуждать Саша своим уже с утра уставшим скрипучим голосом. – Но слаб и я, потому что давно хорошо не питался. Пару дней. Может три – буду делать растяжку и что-нибудь, стимулирующее тонус. Стану хорошо есть. Чтобы набраться сил.

– Зачем, Саша?

– Затем, чтобы выйти! – он выдержал паузу и посмотрел на жену. – Чтобы найти, а лучше – не найти тех «бывших», что есть в подъезде. И отправить всех, кого потребуется, наверх на моем «лифте из преисподней».

Последний день

Саша на несколько секунд замолчал.

– Потом я забаррикадирую дверь снизу и разожгу огонь, чтобы приготовить еду. На верхнем этаже, – он несколько раз медленно повернул голову в разные стороны, разминая шею.

– Но как ты собираешься это все...

– Ну стул разломаю, диван... – спокойно ответил Саша. – Может быть, у кого-то здесь плитка газовая есть. Или керосиновая, или какие они там бывают? Я не помню. Но при случае, уверен, что разберусь.

– С чего ты взял, что они здесь найдутся?

– Да не знаю я, с чего! – воскликнул он шепотом. – Надеюсь я на это! Думаю, как жить! Тут пенсионерских несколько квартир, может, у них что-то было такое? Один раз утром видел какого-то мужика из нашего подъезда. Он ехал на рыбалку с друзьями. Значит, теоретически, у него может быть плитка или котелок. А вдруг?

– Ну да... Саша, в твоей идее что-то есть. Я должна как-то тебе помочь, – Марина приступами испытывала чувство вины перед мужем. Ведь он один занимался вопросами их выживания. Даже находясь в одиночестве, не отдыхал, а думал на тем, как им быть дальше. Марина хотела это как-то ему компенсировать, хотя бы малой помощью, но не знала, что делать.

– Может быть, нам даже придется перебраться в другую квартиру.

– Зачем? – ей пришлось прервать свои внутренние истязания. Она медленно возвращалась к неудобной реальности, где приходилось не винить себя, а принимать какие-то решения.

– Если в ней будут пластиковые окна и застекленный балкон, то зимой нам будет гораздо теплее там. Главное найти какой-то источник обогрева. Одеяла и одежда нас не спасут. Только огонь. Нам нужно как-то разводиться огонь.

– Саша, а если «бывшие» придут на дым от огня? – у Марины появилась легкая дрожь в руках и закружилась голова – слишком много слов и возможных поступков на одно утро. Она уже отвыкла рассуждать и планировать. Ведь все последнее время их семья только и делала, что сидела в своем сыром углу в надежде на спасение. Но спасатели не придут.

– Не носи чепухи! Ну, увидели они дым, и что? Это же не человек, не еда, не шум! Дым. Просто серенький такой... ну облачко. Они же не кидаются на облака! – Саша удивился такой реакции Марины. Да и выглядела его жена странно. Это почему-то начинало его раздражать. Сложно быть храбрым, когда любое слово вызывает дрожь у твоего «партнера по выживанию». Но ее можно было понять – она не выходила из дома. Ее сердце до сих пор просто «сидит в пятках». А улица заставляет сердце биться чаще. Там все другое – и воздух, и земля.

– Сашенька, но облака не вылетают из домов.

Оптимизм от собственной идеи начал покидать Сашу. Чернота снова сгущалась в его мыслях, а вместе с ней к телу возвращались сырость и холод. И раздражение каплей за каплей наполняло невидимую чашу...

– К черту! – он вскочил, и маленький Миша, испугавшись, попятился из ванной. – Все это к черту! Я не для того слушал твои насмешки и упреки, когда закрыл квартиру! И не за тем я три месяца сидел и ждал. Этот дом хранит в себе еще много полезного. И я хочу, чтобы все это стало нашим! А если здесь и есть «бывшие», то они будут такие же слабые как тот, которого я убил в магазине. Я сделал это камнем, простым куском кирпича! А теперь у меня есть топор! Пусть он маленький и тупой, но я смогу проломить им череп любому «первому» и «второму». А «третьего» в доме не будет. Даже «второго» не будет! Этот подъезд может стать нашим полностью, а это уже другая жизнь.

– Или этот день может стать для нас последним! – стараясь не выпускать свои мысли из привычных рамок страха, выдавила Марина.

– А он и без этого может стать последним! Прямо сейчас все может закончиться! Неужели ты не чувствуешь, что мы давно перешагнули грань, где оставалась какая-то надежда на кого-то кроме нас самих? Все. Только наши решения приведут нас или в могилу или позволят продержаться...

Они посмотрели друг на друга. Два мнения, как два разных берега, омывала одна и та же вода. Но где-то она только разбивалась о скалы вместо того, чтобы ласкать мягкий песок.

– Чувствуешь разницу между тем, чтобы сделать что-то с нашей жизнью или бояться даже подходить к окнам? Да никакой! И так, и эдак мы можем сдохнуть сегодня! Через час или через пару минут!

Саша просидел у двери минут двадцать.

Слушал.

Вдруг кто-то сумел пробраться в подъезд и, пуская кровавую слюну из страшной пасти, ждал его за дверью. Но, к счастью, никого. Тишина.

Чернота.

Стало страшно. Но тут Саша спросил себя, а когда страшно не было? И театрально пожал плечами.

На нем снова была куча одежек с массой застежек. Так он надеялся хотя бы минимально защититься от укусов «бывших». Безусловно, хорошим дополнением к этой тряпичной защите служил топор.

Еще через несколько минут Саша понял, что пора. Встал, провернул ключ, спокойно вышел из квартиры и тихонько прикрыл за собой дверь.

Куда идти?

Наверх?

Вниз?

«Хороший вопрос, – решил Саша и начал подниматься вверх. – С чего я решил поступить именно так? Почему чувствую сегодня себя как-то странно? Возможно, я достиг пика и решил попробовать изменить все. Для этого и в прошлой жизни требовалось рисковать, а уж теперь тем более».

Саша посмотрел в окно на улицу.

Все спокойно вокруг, но тревожно внутри. Проведя рукой по подоконнику и смахнув несколько старых окурков, он развернулся и пошел дальше.

То есть, выше.

Четвертый этаж. Старый труп у первой двери справа. Перешагиваем через этот мешок костей. Идем дальше.

Пятый.

Семьдесят седьмая

«Здесь никого не должно быть, – рассуждал Саша, стоя на последней ступеньке перед площадкой пятого этажа. – Если бы хоть один мертвоход оказался в квартире, мы бы узнали об этом из-за шума. Или по какой-то другой причине. Значит, все будет достаточно просто. Я подергаю ручки, а где окажется открыто – зайду и проверю».

Четыре двери: 77, 76, 75, 74.

Ближняя с номером 74 – новая, металлическая. Саша взялся за ручку, повернул и потянул на себя. Ничего не произошло. Он повторил это несколько раз, прилагая разные усилия, но дверь не открылась. Почему-то Саша почувствовал облегчение, хотя и должен был бы расстроиться. Ведь, возможно, в недрах именно этой квартиры находилось то, что он ищет. А пригодиться ему могло многое.

Но дверь была заперта.

Квартира номер 75 тоже оказалась закрытой. Не открылась и 76.

На пятом этаже осталась последняя непроверенная дверь. Саша толкнул ее, и она отворилась внутрь.

– Действительно, что же еще могло произойти, – с недовольством пробормотал он. – Последняя дверь всегда открывается.

Придется войти.

Распахнутая, она приглашала его в темный коридорчик. Из него, к счастью, никто не выскочил. Но не это смутило Сашу – он внезапно для себя понял, что практически не боится. Чувство страха есть, вот только какое-то другое – скомканное. Как бы странно это ни прозвучало.

Саша не торопясь вошел в квартиру. Справа за входной дверью имелась вешалка для одежды и стояла тумбочка для обуви. Напротив – еще одна дверь. Видимо, в ванную.

Он прошел прямо и оказался в небольшом зальчике. Его небогатую обстановку составляли пара кресел, диван, стол с компьютером и телевизор на черной стеклянной подставке. Возле балконной двери располагался проход во вторую комнату. Видимо, спальню, которая тоже была пустой.

«Значит, здесь безопасно».

Саша начал осматриваться.

Он обратил внимание на наведенный в квартире порядок. Никто в спешке отсюда не уходил. Но никого внутри не было и сейчас. Толстый слой пыли на мебели и запах сырости говорили о том, что это жилище давно необитаемо.

Весьма скромная двухкомнатная квартира не могла таить в себе сокровищ, которым он был бы рад. Поэтому особых надежд Саша не испытывал. На балконе хранилась старая зимняя резина, стеклянные банки, кастрюли, немного керамической плитки и «сумка с сумками». Все.

На кухне – ничего, что не протухло и что можно было бы приготовить без огня. Но две открытых пачки макарон он все равно бросил в первый подвернувшийся пакет. За ними последовали мука, банка фасоли и три чудом не сгнивших чесночины.

«Странно, – подумал Саша, – в квартире почти нет еды. Пара пачек макарон, холодильник, полный гнили, да специи. Обычно у людей больше непортящихся запасов».

Обои на стенах поклеены старенькие. Такие можно увидеть практически в любой съемной квартире. Про них говорят – самые дешевые из приличных. Они достаточно дорогие, чтобы не вызывать резь в глазах, но слишком дешевые, чтобы нравиться.

Вспомнив, зачем он здесь, Саша перестал пялиться на стены и начал рыться в шкафах. Вытаскивал вещи с полок и из тумбочек, распаковывал все пакеты и свертки. В одном из ящи-

ков ему удалось найти кое-что ценное – влажные и обычные салфетки, маленькую аптечку. Даже не посмотрев, он высыпал все в свой пакет.

Затем настала очередь обыска ванной комнаты. Светло-зеленая старенькая плитка на стенах. Прямо на входе – стиральная машина вертикальной загрузки. Слева от нее – унитаз, правее – раковина, а дальше – ванна, под которой стоял пластмассовый тазик. Открутив колпачок ручки, Саша снял крышку с бочка унитаза. В нем была вода. Пить ее, конечно, не стоило, но после кипячения она вполне сгодится для приготовления пищи.

«Теперь нужно найти во что ее перелить и какой-то черпак».

Саша Сходил на кухню и взял самую большую кастрюлю и кружку. Через минуту он уже заполнил свою емкость почти до краев и даже еще немного осталось в бочке, но вычерпать эту воду сейчас было очень сложно. Он решил оставить ее на «черный день».

Не обнаружив больше ничего полезного в квартире, Саша вынес все, что решил взять, в подъезд.

На одном из свободных крючков в прихожей висели ключи. Они подошли к входной двери, которую Саша закрыл, когда вышел. Ключ он оставил в замке.

Квартиры на четвертом и третьем этажах оказались закрыты. За их дверьми никто не подавал признаков жизни. К счастью, и нежизни тоже.

Саша оставил пакет с вещами и кастрюлю из 77-й квартиры возле своей двери и пошел дальше. То есть ниже.

Он спустился на второй этаж, и ближняя к нему дверь с легким скрипом открылась. Темно, но, кажется, планировка здесь была такой же, как и в квартире на пятом этаже.

Беспорядок. Куртки разбросаны по полу, изредка тускло отсвечивало битое стекло. Дверь в ванную располагалась сразу слева от входа, в ней была проломлена дыра посередине, по краям которой можно было заметить бурые пятна. Или показалось?

«А сердечко-то застучало», – поставил себе диагноз Саша.

Он сосредоточился.

Начинало, как говорится, пахнуть жареным, хотя в данном случае могло пахнуть только прогнившей плотью.

Круглые камни

«От тебя зависит твоя семья, – заговорил с собой Саша, стоя на третьем этаже у входа в квартиру. – И если смысла жить, может, уже и нет, то умереть вот в этой дрянной квартирке ты не должен. Лучше – не сейчас и в другом месте. Поэтому смотри внимательно и думай, как правильно поступить!»

Он понимал, что, скорее всего, говорит эти слова зря. Просто успокаивает екнущее сердце. Ведь если бы кто-то и был в квартире, то Саша уже вовсю работал бы топором. Но никто не вышел.

Пока.

Однако судя по раскученной двери в ванную, некто смог выбраться из нее. Раньше. И сделал он это способом, нетрадиционным для людей.

Саша мысленно перекрестился и вошел в прихожую квартиры номер шестьдесят пять.

Под ногами сразу же хрустнуло.

Что конкретно – разглядеть не получилось, и он не стал заикливаться на этом. Справа показался разбитый электрический щиток – счетчик вырван, провода торчат в разные стороны. Не опасно...

Немного впереди – на полу.

Куча верхней одежды вместе с деревянной вешалкой. Среди прочего даже была шуба.

– Нет, из этой дурной квартирке мне ничего такого не надо. Разве что тут окажется ружье, – прошептал он, погружая свой взгляд в глубину тьмы.

Стоя в начале прихожей, Саша попробовал посмотреть, что происходило в ванной. «Бесполезно – слишком темно, ничего не видно».

Тогда он поднял с пола какой-то осколок и бросил его в дыру в двери. Стук-стук. Тишина.

«Это хорошо», – решил Саша и смело подошел ближе.

Посмотрел в отверстие. Света из заклеенного пленкой ванного окошечка хватило, чтобы убедиться в отсутствии опасности.

«Но там определенно кого-то убили, или «обратили».

На стенах остались зловещие следы: темные полосы, нечеткие отпечатки рук и просто капли.

«Вероятно, кровь», – сделал заключение Саша.

Стиральная машина была завалена на бок, раковина свернута и брошена в ванну.

Он поднял с пола осколок зеркала и бросил внутрь квартиры. Как и в первый раз – ничего, что бы предвещало беду.

Саша вошел в зал.

И окончательно убедился в том, что планировка этой квартиры была идентична той, что он посетил сегодня первой.

Прихожая, слева за ней – кухня, прямо – небольшой зальчик, из которого можно попасть еще в одну комнатку.

«Абсолютно дурацкая планировка, – подумал он. – Хотя, если жить одному, то, пожалуй, сойдет».

Хозяева этой квартиры, судя по новой мебели, имели средств к существованию больше, чем те, что жили в двушке на пятом. В свое время Саша и сам бы не отказался от такой, как здесь, тумбочки под телевизор. Да и «зомбоящик» представлял собой современную модель с большим изогнутым экраном. Владельцам всего этого можно было даже чуть-чуть позавидовать.

В прошлой жизни.

Саша вздохнул и начал осматривать остальные достопримечательности.

Как он и ожидал, стекла на балконе оказались разбиты.

«Вот так ты и вышел».

– Ладно, поищем, что ты мне оставил, дорогой «бывший» друг, – слегка расслабившись, прошептал он.

Перед «обыском» Саша зашел в дальнюю комнату. Ему не хотелось осматривать эту квартиру, пока не было уверенности, что в ней точно никого нет. Тот случай с забытой дверью в магазине он помнил хорошо.

Вторая комната оказалась пуста. Из обстановки – кровать, тумбочка, стол и шкаф. Причем, здесь сохранился идеальный порядок. Все на своих местах. Никакой крови. Одним словом, странная была квартирка.

Все эти противоречивые моменты вызывали у Саши тревогу. Желание уйти нарастало.

«Я здесь – по делу, а не просто так. Уйду отсюда, только когда все осмотрю».

Саша осторожно вышел на балкон.

Третий этаж. Земля не так уж далеко. Не желая быть замеченным снизу, он присел и, стараясь не высовываться, начал рыться в балконном хламе.

Здесь имелось несколько небольших шкафчиков, в одном из которых лежали какие-то гладкие плоские камни. А за ними черные прямоугольные закопченные железки.

– Что за ерунда? – пробормотал Саша и отвернулся. Но тут же повернулся обратно.

«Камни – черт с ними, но железки-то как будто обожженные».

Пришлось сначала переложить камни и только после этого получилось достать то, что оказалось дешевым подобием мангала. Донышко, четыре бортика и столько же кривеньких ножек.

Саша обрадовался находке. Пусть она и дышала на ладан, но приготовить еду на мангале становилось проще, чем просто на полу. Он аккуратно сложил его части в удачно подвернувшуюся потертую спортивную сумку. В ней старым хозяином это все, видимо, и переносилось.

Еще на балконе лежала маленькая искусственная елка в картонной коробке и какое-то тряпье, вроде рабочей одежды. В этих вещах Саша потребности не испытывал.

Он вернулся в квартиру. Пусть теперь у него имелся мангал, но все так же не было дров. Нечего сжечь, чтобы приготовить пищу.

– Хотя, – в этот момент взгляд Саши упал на полку, висевшую на одной из стен. Металлическая, она имела четыре небольших ряда, скромно заставленных книгами и брошюрами. – Это подойдет на растопку, но даже вскипятить одну кастрюлю воды их не хватит.

Книги Саша собрал в сумку, которую потом выставил за дверь квартиры.

Вошел в кухню. Гарнитур был дорогой и, к счастью, из массива дерева. Выполнен то ли под старину, то ли еще подо что-то. Саше было наплевать на стиль, главное, что это был не какой-нибудь ДСП или МДФ. От этих спрессованных опилок здесь не было бы толка, горят они плохо, если вообще горят. А вот хорошее сухое дерево, пусть и обработанное лаком, однозначно будет гореть гораздо лучше всего остального, из чего обычно делают мебель.

Скляночки

Прежде чем разобрать кухонный гарнитур на дрова, Саша достал все, что стояло внутри верхних шкафчиков. Помимо посуды там нашлось несколько распакованных пачек макарон и гречки. В специальной пластмассовой подставке стояли пакеты со специями. Особо не раздумывая, он отправил все это в свой пакет с будущей горячей едой.

Затем Саша принялся снимать со стены сами шкафчики, которые оказались на удивление тяжелыми.

«Возможно, просто я сам ослаб», – решил он.

Пришлось попотеть. Примерно через полчаса ему удалось расколоть гарнитур на щепки и вынести их в подъезд. Нижние шкафы-тумбочки, выполненные под единой столешницей, Саша оставил на следующий раз.

Закончив с дровами, он продолжил осматривать оставшиеся в квартире шкафы. Среди прочего попала сумка с инструментами. В ней лежало несколько больших ключей, гвозди, саморезы и всякая ерунда, назначение которой ему осталось неясным. Саша вынес эту сумку в подъезд. Такие вещи должны пригодиться в том будущем, которое его семья, возможно, будет пытаться строить.

В маленькой комнате он нашел записку бывшего хозяина.

«Видимо, бедняга готовился к какому-то празднику. Иначе, зачем ему хранить в шкафу пять бутылок водки, одну текилы, две виски и газировку?»

Прямо в картонной коробке Саша вынес свою алкогольную находку в подъезд.

«Все это, конечно, хорошо, – объяснял себе он во время внутреннего монолога. – Вот только лучше любых этих водок и макарон для меня была бы тушенка, соленья или газовая плитка. Разумеется, с газом. Но нигде, ни в каком шкафу или коробке ничего подобного не нашлось. Только этот несчастный мангал, который неизвестно, когда развалится».

Саша вздохнул и продолжил обыск.

Он вспорол ножом кресла и диван, но бриллиантов там не обнаружил. Да и не искал. Его интересовали деревянные бруски, из которых состоял каркас мебели. Искомого материала добыть получилось немного, но Саша обрадовался даже тому, что нашел. Ведь теперь, хотя бы один раз его семья поест горячей пищи.

Да и зима по календарю начиналась вот-вот, но думать об этом вообще не хотелось. Было совершенно непонятно, как организовать и поддерживать хотя бы минимальную плюсовую температуру в квартире без отопления или печки на дровах.

«Для нее, кстати, еще нужен дымоход и, что самое главное, топливо. А откуда взять дрова в городе, где хозяйничают "бывшие"?»

Отмахнувшись от неприятных мыслей, он решил вынести все полезное из квартиры. После чего стал стаскивать на балкон матрасы, подушки, тумбочки, одежду – все, что можно быстро перенести. Так как дверь и окно на балконе были выбиты, Саша решил построить там баррикаду. Его совершенно не устраивало, что «бывшие» так легко могут пробраться в дом.

Закончив с балконом, он подобрал с пола несколько джинсов и, выйдя из квартиры, надежно привязал ими дверную ручку к перилам. Дверь открывалась внутрь, и теперь забравшийся в квартиру не сможет выйти в подъезд. Если, конечно, не сломает дверь.

На втором этаже осталось еще три квартиры, которые Саша не обследовал. Подергав ручки, он обнаружил, что две из них закрыты. И когда настала очередь последней двери, она легко и без скрипа отворилась, открыв за собой еще одну. Саша даже замер от удивления.

За новой металлической дверью была вторая – старая, собранная буквально из пяти досок. И она была закрыта.

По телу пробежал холодок. Он в очередной раз успокоил себя тем, что внутри никого быть не могло. В противном случае об этом стало бы известно уже давно.

«Значит, там никого нет, а если туда каким-то чудом и занесло "бывшего", то он ослаб от голода. И я с ним быстро разделаюсь. Не в первой. Вот только почему снаружи на двери нет замка? Неужели закрыта изнутри?»

Саша несколько раз толкнул ее, чтобы понять, насколько она крепкая. Дверца скрипнула, но не открылась. Тогда он ударил ногой в место, где стоял предполагаемый замок – доска сломалась и прогнулась. Еще пара ударов, и дверь открылась. Запор остался висеть вместе с куском dřевяшки.

В квартире было темно.

«А на улице день».

Даже иногда выглядывало солнышко, чтобы потом вновь скрыться и оставить этот мир один на один с побеждавшей его чернотой.

«Шторы завешены. Зачем?» – неприятный холодок пробежал по спине.

Судя по всему, планировка здесь не особенно отличалась от соседних квартир. Разве что вход в дальнюю комнату находился не в середине стены зала, а справа и был виден Саше из подъезда.

Тяжело вздохнув, он вошел, держа свой топорик наготове.

Темновато, но предметы различимы. Слева ванная с закрытой дверью, справа вешалка с куртками в специальной нише. Все как всегда, клонированные квартиры для однотипных людей.

Носа коснулся какой-то неприятный запах.

Нет.

Сильно пахнуло гнильцой.

Во рту появился кисловатый привкус. Саша начал догадываться об источнике «аромата» в этой квартире. Он сделал несколько шагов вперед и заглянул в зал.

На диване кто-то лежал.

Человек.

Свет от плохо зашторенного окна падал прямо на изголовье. Спящего укрывало несколько одеял, а под головой смялась серенькая подушка с рисунком кораблей в море. У дивана стояла табуретка с лечебными склянками, тряпками и кружкой. Кажется на ней напечатано фото ребенка.

Старенькие скромные обои на стенах, мебель неновая, но добротная. Видимо, покупалась надолго. Или навсегда, как получилось в данном случае.

Саша вошел в комнату.

Но человек не двигался – он был мертв.

Куча тряпья

Квартира выглядела складом таблеток, пузырьков с лекарствами и использованных носовых платков.

Второе место по частоте присутствия занимали фотографии. В основном, детские, но имелось и несколько старых черно-белых снимков со взрослыми. Фотокарточки стояли и висели на стенах в дешевых золотистых рамках, купленных, скорее всего, в девяностые годы на рынке у челноков. Из увиденного Саша заключил, что, вероятнее всего, здесь жил пенсионер.

«Видимо, бедняга заболел и умер, – возникла в голове версия. – Не смог сам вылечиться, или не нашлось нужных лекарств? Пожалуй, и то и другое. Плюс все случилось, когда мир пал, и умирать старику пришлось в одиночестве. Без детей и внуков, смотревших на него с фотографий. Он надеялся, они сумели спастись. Но я уже не смогу его разочаровать насчет их судьбы, – на душе у Саши стало неприятно от этой истории, всплывшей из прошлого. – Так печально. Умереть одному от какой-то простуды. Или другой хвори».

Саша подошел ближе к покойнику. Из-под подушки торчал градусник. Возле подбородка иссохшая рука сжимала носовой платок или какую-то тряпку, заменявшую его. Лицо почернело и засохло. Кожа стянулась, обнажив зубы, и одновременно съехала вниз. Теперь лицо выглядело высушенным и стянутым к левой стороне, на которой он лежал.

«Если это простуда, – подумал Саша и направился к двери в квартиру, – то вряд ли микробы до сих пор живы. Хотя это только мое предположение, – он закрыл входную дверь. – Но все равно лучше проветрить».

Саша приоткрыл окна на кухне и балконе и вернулся к мертвецу. Подушка и диван под ним пропитались гнилью и, кажется, даже успели засохнуть. Как ни странно, Сашу не тошнило. Он испытывал внутренний дискомфорт лишь из-за того, что смотрел на старика и видел в нем себя через какое-то время.

В зале стояла большая, опять же из девяностых, стенка. На ее полочках за стеклянными дверцами хранились фотографии, книги и праздничные сервизы. Читать пропагандистские издания, что хранил старик, пожалуй, было вредно для мозга. Но Саша знал, что сделает с этой «горящей» находкой.

Он улыбнулся и прошел во вторую комнату. Ему почему-то стало жаль этого старика.

«Печальная судьба – умереть совсем одному. Такого не замечаешь в жизни, но привык видеть по телевидению, которое теперь не работает. Правда, похоже, то, что оно так долго и упорно транслировало, начало сбываться».

В маленькой комнате у окна стояла двуспальная кровать. Светлое постельное белье на ней оказалось выпачкано черно-красного цвета грязью. Слева от кровати, возле окна, в кучу были свалены картонные коробки, куртки и несколько одеял. В комнате еще имелись комод, пара полок и тумбочка с небольшим телевизором, стоявшая у входа. Полки занимали книги, несколько небольших коробочек и всякая мелочь типа ключей, батареек и чеков.

«Скучно и безнадежно».

Жалкий вид комнатухи и, уже на первый взгляд, явное отсутствие нужных вещей нагоняли тоску.

Он открыл тумбочку под телевизором и увидел диски для DVD-проигрывателя и фонарик. Взяв последний в руку, Саша понял по весу, что батареек в нем нет. Однако у фонарика не было и кнопки включения, только какая-то большая клавиша снизу. И тут он вспомнил, что это за приспособление – для него не нужны батарейки! Фонарь работал при нажатии на клавишу снизу, как динамо-машина. Довольный своей находкой, начал сжимать и разжимать рукоятку. Лампочка – маленький светодиод, загорелась, подарив ему слабый свет от надежных китайских тружеников.

«Кстати, а как там, в Китае? – задумался он вдруг. – Там же почти два миллиарда людей жили раньше. Сколько, интересно, у них "бывших"? И удалось ли хоть там правительству как-то сохранить цивилизацию?»

Улыбка сползла с Сашиного лица.

Он заметил, как в куче тряпья у окна что-то зашевелилось. От испуга его тело, словно, пронзило электрическим разрядом.

«Что это? – но не успел он задать себе этот вопрос, как куча снова вздрогнула».

«Кот?»

Саша сидел на корточках перед тумбочкой. Стараясь не создавать лишнего шума, он положил в карман найденный фонарик и аккуратно застегнул молнию. Достал перчатки из другого кармана и надел их.

«Но как кот мог забраться в кучу тряпья так глубоко? Она слишком большая и тяжелая, чтобы такой маленький зверек мог ее двигать», – пытался разгадать загадку таинственного существа.

Поднимая свой топорик с тумбочки, он случайно задел телевизор.

Чикс!

И кто-то в куче тряпья вздрогнул.

В качестве эксперимента повторил удар несколько раз, и ответом на его шум всегда было движение неизвестного существа.

Вот так вот.

Не разобравшись с этой проблемой, уйти он отсюда не имел права. Вопрос элементарной безопасности. Оставь Саша эту штуку здесь сегодня, она придет к нему завтра вместе с камнезубыми друзьями. К тому же, теперь это существо тоже знает, что здесь кто-то есть. Поэтому дарить ему право на «третью жизнь» нельзя.

«Оно останется неподвижным. Навсегда», – решил и бесшумно вышел из комнаты. Прошел в коридор и закрыл входную металлическую дверь на щеколду. Если с ним что-то случится, то существо не должно суметь выйти в подъезд.

Права на ошибку или трусость у него не было.

– Что ж, если ты «бывший», то я сделаю тебя «бывшим» вдвойне, – со странной уверенностью Саша двинулся в комнату, в которой его кто-то ждал.

Кляп

Засунув топор за пояс, подошел к тумбочке и снял с нее телевизор. Он слегка подбросил его в руках, проверяя вес, и поставил на пол, недовольно качнув головой. Поднял саму тумбочку, вытряхнул из нее барахло и оценил тяжесть.

«Подходит».

Саша перевел взгляд на кучу тряпья, и в ее глубине снова задергалось неизвестное существо. Не могло же оно чувствовать его намерения?

«Или могло?»

Он встал на кровать, и та слегка скрипнула под его весом. Простыни, измазанные чем-то волокнистым и кровавым, засохли и превратились в сплошную корку, которую уже успела покрыть пыль. Он словно ступал по насту из каких-то перемолотых, но насыщенных мелкими кусочками, внутренностей.

«Мерзость», – подумал Саша. Хотя, несмотря на это, его даже не тошнило.

Оставляя следы-проломы на корке, он подошел к окну, под которым находилась беспокоившая его куча. Стукнул ногой по стене, и тварь, дернувшись в ответ, точно указала место, куда нужно бить. Он со всей силы швырнул туда тумбочку. Послышался удар обо что-то твердое. Стараясь не упустить удобный момент, быстро поднял свое орудие и снова со всей силы бросил его.

Для уверенности повторил это и в третий раз.

От такой «работы» Саша не должен был устать, но отсутствие нормальных условий для жизни сказывалось на его силах. И он все чаще ловил себя на мысли, что недоедания, постоянный стресс и страх однажды доведут его тело. Когда-нибудь у него не хватит сил на серьезную схватку с одним из «бывших». А это обязательно должно произойти, если он собирается жить дальше. Ведь ради нормальной пищи и собственной безопасности и была устроена сегодняшняя вылазка. Он хотел заполучить в свое владение целый подъезд и все, что можно забрать из квартир. Пока улов был, так сказать, не очень.

После трех ударов тумбочкой под одеялами никто не шевелился.

«Просто затих или убит?»

Саша подумал, что подождал достаточно, и решил посмотреть, кто скрывался в куче тряпья. Когда он поднимал тумбочку, она скрипнула и развалилась в его руках.

«Да уж, такие вещи не предназначаются для убийств. Но люди умудряются все что угодно приспособить под эти нужды».

Положил обломки на кровать. Взял в правую руку топор, а свободной начал разгребать кучу тряпья.

Сверху лежали два толстых ватных одеяла, прорванных в нескольких местах и вымазанных тем же, чем и простыни. Они были без пододеяльников, либо те совсем износились и, разорвавшись, превратились в то мелкое тряпье, что всюду лежало здесь на полу.

Под одеялами он увидел большие куски плотных картонных коробок. В таких перевозят мелкую бытовую технику, они скрепляются специальным степлером толстыми скобками. Здесь были именно такие, разорванные на части и тоже перепачканные какой-то засохшей дрянью. Попутно попадались склянки от лекарств, шприцы с согнутыми иглами, куски бинта, видимо, от сорванной перевязки.

В итоге, убрав в сторону все одеяла, простыни и мусор, Саша увидел привязанного к батарее ребенка.

«Бывшего» ребенка.

Абсолютно голый мальчик, с коричневой кожей, покрытой синими пятнами.

Видимо, перед смертью ребенок выгнулся – как будто старался встать на мостик. Макушкой он почти касался пола, но привязанные руки не позволяли ему завершить движение.

Из его рта лезли наружу кривые камнеобразные зубы. Челюсти разделял почти перегрызенный кожаный ремень, служивший кляпом. От удара он немного соскочил и обнажил нижнюю губу мальчика. Она практически исчезла, словно втянулась внутрь, оставив после себя лишь синюю полоску.

Руки были связаны вместе и привязаны к батарее. С ногами поступили по такой же схеме. Ребенок не мог разорвать эти путы, пока не перегрыз бы ремень-кляп. Ситуация у парня была безвыходная, но неестественные силы, приобретенные после «обращения», помогли ему протянуть так долго.

Пока Саша не прикончил его.

Странное совпадение. «Бывший» ведь мог освободиться. Ремень-то почти перегрыз, а это самое сложное. Дальше оставалось только отвязать руки и ноги. И можно выйти пошляться по подъезду.

Но тут появился Саша и проломил ему череп над левым глазом.

Все конечности ребенка покрывали следы от укусов. Предплечья исколоты зубами, уши рваные, левая нога от бедра была немного вывернута вправо. Словом, ничего хорошего с мальчиком не произошло.

Стало противно от того, что он убил это... существо. Такое похожее и одновременно непохожее на ребенка. День определенно должен будет закончиться выпивкой... и какой-то горячей едой. Ради нее-то все и затевалось. И если уж эта квартирка последняя, значит, скоро можно будет разжигать мангал и готовить еду.

«Что ж, – сказал про себя, – пора перевернуть здесь все».

Он накрыл мальчугана его же тряпьем и отошел в сторону.

На полу валялись диски, какие-то бумажки. Ничего, что бы пригодились. Саша обратил внимание на полки, висевшие на стене. На фотографиях, что стояли в стеклянных рамках, видимо, и был изображен ныне «обретший» себя мальчик. Обычный ребенок, на по-привычному невзрачной семейной фотографии. Такие находки Сашу не интересовали. Он смахнул их в сторону и начал снимать с полки книги, чтобы вынести в подъезд.

Банки

Саша выносил книги и складывал на подоконники, чтобы через окна с улицы было не так заметно, что в подъезде кто-то есть. В то же время он оставлял небольшие щели между рядами, чтобы иметь возможность самому посмотреть наружу.

На полке в комнате мальчика нашел две пальчиковые батарейки в упаковке, которые отправились в его карман к динамо-фонарику. Больше там ничего полезного не оказалось, и он переместился в зал.

С книгами, стоявшими в стенке, он поступил так же, как и с теми, что нашел в другой комнате. За несколько минут работы у него получилось заложить ими два окна – на втором и третьем этажах. Так что теперь перемещения по подъезду были не так видны с улицы, если кто-то вдруг начнет наблюдать за его домом.

В шкафах висели старые, но добротные куртки, стояли коробки с обувью, сумки со сломанными молниями и мелким мусором внутри. В верхних ящиках лежали аккуратно сложенное постельное белье и клетчатые шерстяные пледы. На полках за стеклянными дверцами нашел семь тысяч рублей. Он не знал, что с ними делать, но решил все же сунуть в карман. Мало ли. Еще там же ему на глаза попались две полупустые зажигалки и тупой подарочный охотничий нож в красивых кожаных ножнах, который никогда не использовался.

За белыми с выцветшей синей каймой полотенцами, лежавшими стопкой, он увидел маленький термос с ручкой. Объемом всего пол-литра. Его крышка и доньшко были отделаны черной пластмассой, а на металлическом корпусе имелся рисунок подсолнуха. Термос выглядел потрепанным, с множеством царапин, некоторые из них были довольно глубокие, так что даже почернели внутри от забившейся грязи. Саша с радостью отправил свою находку в сумку, взятую тут же. А затем вспомнил, что и у него дома где-то должен валяться примерно такой же. Теперь он сможет хранить пищу горячей несколько часов.

«Можно будет приготовить еду утром и съесть ее еще теплой вечером».

Термос действительно был хорошей добычей, возможно, даже лучшей, чем мангал. Уложив его в сумку, пошел обыскивать ванную.

Так как лампочки не горели, то светил он своим новым фонариком. Поскрипывая, тот давал слабый лучик электрического света. В шкафчике над раковиной разглядел полиэтиленовый пакет с тремя большими кусками хозяйственного мыла.

«Пригодится. Оно отмывает так, что любая грязь отвалится, – и с этими мыслями, он отправил его в сумку. – А на нас грязи сейчас столько, что хоть вагонами вывози».

В след за мылом Саша прибрал к рукам крема, бритвенные принадлежности, ватные палочки и другую мелочь, которая выглядела поновее.

«Все теперь в дефиците, – подумал он. – Странно, что на многое из этого я не обратил внимания в других квартирах. Но туда я могу вернуться в любое время».

Затем он пошел на кухню, где его ждал довольно приятный сюрприз.

В стенном холодильнике – специальной выемке под кухонным окном пряталось 12 полуплитровых банок с соленьями. Огурцы, помидоры, салаты, борщи, рассольники. А на нижней полке одного из кухонных шкафчиков лежали три пакета для приготовления клубничного киселя, большая пачка макарон, две коробки с рисом быстрого приготовления, несколько жестянок со шпротами и пять трехлитровых банок компота. Другой шкафчик предлагал угоститься семью пачками крекеров и парой шоколадок.

Саша понял, что сегодня ему однозначно везет. Еще бы, в этих консервах, наверное, много витаминов, и самое главное – их не нужно готовить. Можно есть холодными. Хотя, конечно, хотелось горячей пищи.

На газовой плите стояло ведро, накрытое зеленой металлической крышкой.

«Неизвестно, что они тут кипятили без газа, но это тоже пригодится, – решил, когда снял крышку и обнаружил, что там почти полведра с виду чистой воды. – Вечером можно будет вскипятить и каждому помыть хотя бы интимные места».

Эта перспектива выглядела весьма заманчивой – горячая вода, мыло... У Саша моментально начало зудеть все тело. Ему даже пришлось отвлечься на минуту для почесываний, потому что в его состоянии это терпеть уже было нельзя.

Еще больше, чем все остальное, обрадовал холодильник, наполненный новой порцией солений и консервов. Цветными банками были заставлены все три нижние полки, застеленные газетами. На дверце – уксус и две бутылки подсолнечного масла. А вот верхняя полка заставила Сашу немного растеряться: на ней стояли странные маленькие пронумерованные пузырьки с разноцветными жидкостями. Там же лежали ватки, испачканные в чем-то красном, и использованные тонкие шприцы. С этой полки он ничего брать не стал.

На балконе нашел удочку, маленькую лопатку, складной стульчик и топорик, который выглядел поухоженной его собственному. Ручка у него была длиннее. А это давало, в случае чего, Саше небольшое преимущество, увеличивая дистанцию между ним и противником. Хотя, конечно, такое преимущество – ерунда. Все это он отнес в коридор, а затем занялся едой. Выносил банки к двери своей квартиры, чтобы потом можно было ее открыть и всем вместе быстро занести продукты внутрь.

Когда большая часть полезных вещей переместилась в коридор, решил, что остальное сделает после того, как поест. По его подсчетам был уже полдень, и пустой желудок постоянно напоминал о себе нездоровым урчанием. Да и что немаловажно, силы уже заканчивались. С таким питанием он мог непрерывно делать что-то на протяжении максимум пары часов. Потом требовался отдых.

Саша постучал к себе. Марина тут же открыла, будто все это время караулила его под дверь. Рядом с женой стоял сын, который немного испуганно улыбался. Он ему подмигнул и сказал:

– Смотри, сколько я всего нашел.

Мальчик сделал искусственную улыбку чуть шире, но ничего не ответил отцу. Ребенок из-за всего «этого» становился диковатым или даже чудаковатым. Будущее покажет, какой психологический отпечаток у него останется. Если это будущее вообще наступит.

Сменное белье

– Откуда это все? – глаза жены округлились от количества продуктов, которыми был заставлен подъезд.

– Я там, в одной квартирке обнаружил запасливого дедка, – растянув резиновые губы в мрачной улыбке, ответил Саша. – Он оказался не против поделиться с нами.

– Кого ты обнаружил?! – встревоженно переспросила Марина. Ей показалось, что сердце в этот момент застучало в тысячу раз быстрее.

– Ну, деда! Старика!

– Он живой?

– Да с чего ему быть живым? Отдал бы он мне все это добро по своей воле?

– Так ты зарубил его?

– Да что с тобой такое? – воскликнул шепотом Саша, начиная злиться. – Я еще не дошел до той стадии, когда начинают убивать людей ради еды! Ее еще, кстати, полным-полно в городе, главное добраться до складов. Так что, убивать кого-то – нет. Тем более, я и людей-то живых не видел уже три месяца.

– Я просто так боялась, что там кто-нибудь окажется, и мы с Мишей останемся одни, а тебя загрызут «бывшие»! – прошептала она и заплакала. Без всхлипываний, просто стояла и дрожала, а из ее красных глаз текли слезы. Челюсти были сжаты, как у старухи, чтобы зубы не стучали друг о друга в нервном припадке.

Мальчик смотрел своими стеклянными глазами в глубину подъезда и, казалось, не считал, что происходящее рядом как-то касается его.

Саша устал. И не только от сегодняшнего дня, но от всего. У него не получалось сейчас найти в себе силы, чтобы обнять и успокоить жену. Поэтому он лишь смотрел на нее со злобой. Ведь из-за этих ее слез обед начнется чуть позже. А есть хотелось ужасно! Ведь он не только трудился физически, но еще все это время смотрел на еду и ни кусочка не положил себе в рот.

– Марина! Очнись. Я здесь, – от усталости он оперся одной рукой на стену. – У нас куча еды. А старик этот там уже давно лежит. Успел сгнить и даже засохнуть. Так что, вот он – я.

– То есть там никого не было? – она начала приходить в себя. Марина отвыкла видеть что-то кроме квартиры и куска улицы из окна. Ее глаза тревожно бегали из стороны в сторону. Просто открыть дверь для нее уже было стрессом.

– Ни души, – красиво ушел ото лжи Саша.

В ответ она лишь кивнула, явно не испытывая интереса к происходящему.

– Так, чтобы разогнать жир и тоску, – чуть ли не впервые за долгое время попробовал пошутить он, – давайте-ка заносите это все домой. А я поднимусь наверх, там у меня мангал. Есть немного дров. Попробую что-нибудь сварить нам, наконец-то поедим горячего. Да, и поищи, где-то в квартире должен быть мой термос.

– Точно, в нем мы сможем... – ее глаза даже загорелись.

– Да-да, Марина, все знают, что он делает. Ты, главное, его сейчас найди, – устало перебил жену.

– Хорошо-хорошо, – оживилась она, увидев перед собой сразу две цели – перенос припасов и поиски термоса. – Сейчас прямо пойду искать, дверь можно не закрывать?

Саша задумался, этот мир был коварен:

– Нет, лучше закрывай, если будешь отходить. Кашеварить-то я буду на пятом этаже, чтобы дым выходил, а то мы тут задохнемся все. Так что...

– Хорошо, тогда я буду сначала все сюда в прихожую заносить, потом дверь закрывать и уже дальше в квартиру перетаскивать.

– Да, так, наверное, выйдет безопаснее всего. И еще вот, – он достал из-за пояса свой старый топорик и протянул жене. – Носи всегда с собой, надеюсь, не пригодится. Но лучше пусть будет.

Марина взяла в руки топор и непонимающе смотрела на Сашу.

– Но куда мне его прицепить? – не отводя глаз, спросила она.

– Ну, поясок себе сделай и к нему цепляй, только смотри, чтобы на ноги тебе не упал. А то с твоим везением, быстрее сама себя топором тупым зарубишь, чем на «бывшего» нарвешься.

С недовольным видом Марина засунула топорик в карман куртки, явно не собираясь с ним ничего делать, кроме как положить дома на табуретку. Саша прочитал это по ее взгляду, но не хотел сейчас ругаться, поэтому решил оставить разговор про безопасность на потом. И уходя, лишь добавил.

– Я нашел там, у деда ведро одно. В нем немного воды. Прокипячу ее, и можно будет по паре ковшиков каждому выделить, чтобы помыться чуть-чуть. Поищи, может быть, что-то чистое еще осталось, сменить белье.

– Хорошо, Саш, я посмотрю, – опустив глаза, ответила она. – Но вряд ли. Три месяца ничего не стирали...

– А ведь действительно, – задумчиво протянул Саша. – Ладно, не ищи, я тут в одной квартирке пороюсь, кажется, там было что-то, – осенила его мысль.

– Хорошо, ну я тогда переносить начну? – робко спросила Марина.

– Да, давай, и про термос не забудь, – в очередной раз повторил он, уже отворачиваясь.

– Ах, точно, – дверь скрипнула и закрылась.

Саша, фыркнув, начал спускаться на второй этаж, за остатками продуктов. И заодно решил зайти к старику, посмотреть, найдутся ли у него пригодные чистые вещи. Ему сейчас было абсолютно все равно, какие он найдет там трусы или шорты, и кто их и сколько носил, лишь бы они были чистыми. Совершенно не помнил, как там обстояли дела с одеждой. Найденные припасы затмили перед ним все остальное, что он там видел. Из вещей, разумеется.

Скрипнув дверью, вошел в квартиру и двинулся в зал. Подняв глаза от разбросанных на полу вещей, он увидел, что мертвый старик сидел на диване и шевелил челюстью, словно что-то жевал.

Саша стоял и не двигался, а «бывший» как будто и не обращал внимания на присутствие в комнате человека.

Странная семья

Медленно.

Непослушными пальцами, нежелавшими признавать за Сашей право ими управлять, он вытащил топор из-за пояса.

На секунду закрыл глаза.

Тело затряслось от пронесшейся по нему волны мурашек. От напряжения даже пересохло и заболело горло, словно проглотил пучок колючек.

Попытался перекреститься. Забыл, как это делается. Вспомнил, но мешал топор в руках. Выпустить его не хотелось. Потом вспомнил, что все равно никогда не относился к вере серьезно, и решил больше не терять время – начал приближаться к бабушке со спины. Точнее справа, сбоку. Стараясь ступать бесшумно, он думал, как ударить «вставшего» так, чтобы наверняка.

«Как я не заметил, что этот старик может быть еще активным пораженным? Да и почему дед лежал, пока убивали его внука? Я столько времени шумел в квартире, что только мертвый мог не услышать. Видимо, так и произошло, в прямом смысле».

Саше оставалось буквально два шага до «бывшего», когда его внимание привлекло движение справа. Повернув голову, он увидел, что в дверном проеме второй комнаты стоит мальчик.

Тот самый, привязанный к батарее мальчик с пробитой головой!

Теперь действительно пришло время паниковать. Встали двое, а это уже совсем не шутки.

«Но как? Почему они поднялись? – в ужасе задался вопросом Саша. – Я же проломил этому гаденышу череп. Три раза приложился тумбочкой!»

Но мальчик ему не ответил. Только старик, когда в дверях появился ребенок, начал звонко клацать челюстью. Пытаясь повернуться к внуку, он повалился на левый бок и скатился с дивана. Не имея сил встать, «бывший» лишь повернул к мальчику свое обезображенное лицо, продолжая двигать челюстью.

«Странно. На меня он даже внимания не обратил за все время, что я тут возился. А этому стоило только встать, как и дед подскочил! Что же все-таки произошло в этой квартире?»

Мальчик же, наоборот, не обращал внимания на старика. Он, отвернув голову чуть-чуть влево, ловил своим косым правым глазом Сашу.

Маленький «бывший» имел сторбленную фигуру, и его левая нога почти на пол-оборота вывернулась по часовой стрелке. Теперь ее пальцы смотрели на пятку правой.

Пока мужчина покрывался холодным потом, успел заметить еще одну странность. Руки и ноги у парнишки оказались несколько вытянуты, пальцы уродливо расплющивались к кончикам и тоже стали длиннее. Но почему раньше он этого не заметил? Этот мальчик превращался из «второго» в «третьего» по Сашиней классификации «бывших».

«Видимо, когда ребенок лежал связанный, я видел его под другим углом! Да и путы с тряпьем отвлекали внимание от его неестественной длины рук и ног. Поэтому мальчик и показался мне тогда обычным "первым"», – решил он.

Хотя, конечно, камнеобразные зубы должны были намекнуть Саше, что процесс поражения дошел уже до начальной третьей стадии. С другой стороны, откуда он мог знать, что появление таких зубов означает превращение в «третьего»? Ниоткуда, потому что в лаборатории за «бывшими» не наблюдал.

«Если бы у этого мальчика хватало сил, и он не провел несколько месяцев привязанным к батарее, то меня бы уже не было в живых».

Саша видел, как «третьи» носились по улицам и разделялись с людьми. И то, что ему открылось тогда, совсем не радовало сейчас. «Третьи» – это решающий этап в эволюции «быв-

ших», после этого они, вероятнее всего, превращались в «гончих». А от тех спасения точно не было.

«Вот уж страшные твари!»

А у мальчика, судя по всему, был не задержанный процесс превращения в «третьего», а остановленный этап трансформации в «гончего». С определенными дефектами из-за того, что он был связан.

«С другой стороны, здесь столько всяких склянок с лекарствами и эти, видимо, кровавые ватки в холодильнике. Может быть, старик рехнулся и старался вылечить "бывшего"? Пичкал его аптечными снадобьями? Да что же здесь за семейка такая?»

Саша обреченно вздохнул. И продолжил думать над тем, что ему стоит предпринять.

«Мальчик слаб. Практически не двигался три месяца. Трансформация еще далеко не закончена, да и вообще он весь какой-то странный, – чуть ли не фыркнул от обиды на "вставшего". – Возможно, убить его будет намного проще, чем кажется. Особенно во второй раз. Почему же они все время "встают", как же их прикончить-то совсем?»

Мальчик сделал шаг в сторону гостя. Дал понять сферу своих интересов. И это значило, что последняя для кого-то из них игра началась.

Стало понятно, что нужно брать инициативу в свои руки. Саша взмахнул топором, стремясь обрушить его на голову «бывшего», и ринулся в атаку. Но мальчик, к удивлению человека, плавно рухнул вперед и ловко перекатился через себя. Оказавшись на долю секунды за Сашиной спиной, противник неожиданно сильно ударил его обеими руками.

Неожиданно! Слишком неожиданно! Он предполагал, что твари будут кусаться и рвать зубами плоть. А вместо этого, мертвый мальчишка мастерски уворачивался от топора и бил в ответ.

Удар оказался мощным, прямо между лопаток – Саша даже опустился на одно колено. Защищаясь, он не целясь махнул топором у себя за спиной и перекатился в соседнюю комнату. В ту самую, где пару часов назад убивал этого самого мальчика, который сейчас стремился отправить на небеса его самого.

Со сдавленным шипением, расшвирепавший «бывший» последовал за своей жертвой. Он прыгнул и повис на дверном косяке, а затем обхватив и сильно зажав его ногами, освободил свои руки для драки. Саша опешил от такого кульбита. Надо признать – это имело сильный психологический эффект, потому что выглядело так, будто это маленькое чудовище висело на стене. Что, в принципе, так и было.

Но мальчик не собирался давать ему передышку и, зашипев, ударил обеими руками.

В глазах человека «камнезубый» сейчас выглядел огромным, прыгающим по стенам монстром, от которого, казалось, не найти защиты. Саша даже не успел поднять руки, чтобы сделать блок и пропустил сильный удар в лицо. В этот раз он снова не целясь махнул топором в ответ! И даже попал – в стену! «Бывший» уже сменил позицию и, обхватив ногами дверной проем сверху, повис вниз головой.

Увидев это, Саша едва успел отскочить от очередного удара в лицо! Промедли он, и кривые длинные пальцы, скорее всего, ослепили бы его.

Глаза ребенка стали совсем не похожи на человеческие. Что-то неизвестное скрывалось в них. Возможно, это была непознанная никем другим та грань страданий, что выпадала на долю бывших людей.

Но Саша не собирался сейчас анализировать глубину взгляда монстра. Он со страшным криком сделал решительный и незащищенный выпад всем телом вперед. В его вытянутой правой руке – топор, который должен был проломить грудную клетку висевшей перед ним твари!

Аппетит

Со страшным криком Саша сделал решительный и незащищенный выпад всем телом вперед. В его правой руке – топор, который должен проломить грудную клетку висевшей перед ним твари.

«Бывший» не ожидал такой скорости от человека, поэтому топор, не встречая препятствий, вошел в грудь мальчика.

Саша не растерялся и, что было сил, дернул рукоять своего оружия вниз и буквально сорвал «вставшего» со стены. Падая, тот сильно ударился головой об пол и с хрустом свернул себе шею. С едва слышимым свистом, из теперь уже точно мертвых легких выходили остатки, видимо, питавшего его «нежизнь» воздуха.

Став ногами на плечи ребенка, с яростным криком вырвал топор из его груди, попутно еще сильнее разворотив ее. Несколько капель темно-красной крови долетели до потолка.

Тварь была мертва. Но человек в своей схватке с чудовищем не собирался останавливаться. Он стал прицельно рубить топором по конечностям «вставшего», стараясь отсечь их.

Удар за ударом. Саша понимал, что просто расчленяет своего противника. Совершенно очевидно, что тот и так уже точно никогда не «поднимется». Со сломанной-то шеей и раскученной грудной клеткой.

Но аналогично он думал и час назад, когда проломил ему череп...

Человек порубил «бывшего» на куски. Некоторые из них держались друг за друга только благодаря коже. Оголились расколотые кости, торчавшие острыми краями из-под плоти. Крови вышло совсем мало. Образовалась лишь маленькая темноватая лужица неизвестной жидкости, которая и на кровь-то похожа не была.

– Теперь ему уже не встать, – решил Саша и, не позволяя себе отдышаться, перевел свой взгляд на старика.

Тот что-то клацал по-своему, но не двигал ни одной из конечностей. А левый глаз его будто расплавился и вытек.

Но правым.

Мертвоход все видел.

И, видимо, понимал, что происходило в этой комнате. «Встал» же он, когда «поднялся» мальчишка. Значит, чувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.